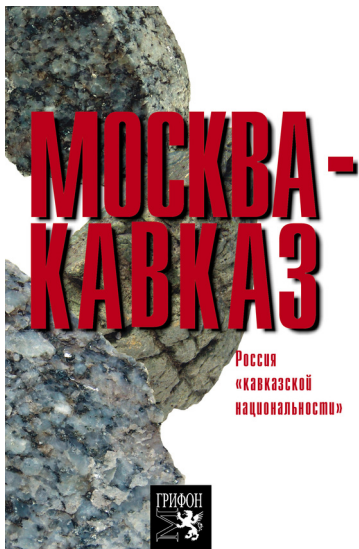

**Роберт Р. Оганян
Леонид Иванович Медведко
Москва – Кавказ. Россия
«кавказской национальности»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14832027

*Москва—Кавказ. Россия «кавказской национальности». / Медведко Л., Оганян Р.– М.: , , : Грифон;
Москва; 2007*

ISBN 978-5-98862-038-9

Аннотация

В этой необычной книге несколько жанров и несколько участников. Культурология, политика, публицистика, вольная беседа в стиле «коллоквиума» между людьми из немножко разных миров... Профессор-востоковед Л. Медведко, литератор и переводчик Р. Оганян, литератор А. Эбаноидзе, писатель и ученый Ч. Гусейнов. Но все содержание книги-откровения, как линза, фокусирует внимание читателя на одном: на требующих внимания, порой угрожающих взаимодействиях между Москвой как мегаполисом и кавказцами, бывшей метрополией и ее ойкуменой. Это не книга ответов – это книга вопросов о поезде «Москва – Кавказ», на который надо успеть всем.

Содержание

Предпослание от авторов-составителей	4
Квадратура кавказского круга	4
О Москве и о Кавказе – «разная этажность»	8
Мемуарные заметки московского бакинца	11
Имя из сказки Мелик-Мамед	13
«Свет моих очей» Наргиз из Крепости	16
Редкое имя – Махфират	18
Гасан, или Зловещие аббревиатуры	20
Ослики на фоне нефтяных вышек	27
Разрезанные ангелы на потолке	29
Суперэтнос «бакинец»	32
«О, если б не было разлук!»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Леонид Медведко, Роберт Оганян

Москва – Кавказ. Россия

«кавказской национальности»

Предпослание от авторов-составителей

Квадратура кавказского круга

Предисловие Леонида Медведко

Кавказ после распада СССР в чем-то уподобился «пороховому погребу» Балкан в канун Первой мировой и Ближнему бурлящему Востоку после окончания Второй мировой войны. Южный Кавказ превратился вдруг в «ближнее зарубежье», а Северный Кавказ – в разных смыслах в жаркий Юг России. В целом же Большой Кавказ по новой стратегической географии США и НАТО располагается в их «расширенной зоне ответственности», так называемого Большого Ближнего Востока. Таковы новые геополитические реалии как для Кавказа, так и для России после их, казалось бы, «цивилизованного развода» и распада прежней семьи, называвшейся «дружбой народов».

Природа и «анатомия» возникших и все еще не остывших конфликтов по обе стороны Кавказского хребта – в их схожем диагнозе. Он может определяться не столько как «извращаемая история с географией», сколько как «заблудившаяся география в истории». Отсюда и все схожие рецидивы общей болезни в виде войн и конфликтов в противостоянии террора и антитеррора. Они связаны не только с тем, что в геополитике принято называть одним словом – «местонахождением», но и с их геоцивилизационным «условием пребывания». Так же как и Ближний Восток после распада Османской империи и ухода оттуда западного колониализма, Кавказ с распадом сначала Российской империи, а затем и Советского Союза превратился в «постимперское», а вместе с самой Россией в «постсоветское пространство».

В силу схожего с Ближним Востоком географического и геостратегического положения многие районы Кавказа подвергались во время двух мировых войн иностранным вооруженным интервенциям, да и оккупации тоже. Не однажды Кавказ становился и яблоком раздора как для соседних могущественных империй, Селевкидского Ирана и Османской Турции, так и западных колониальных держав и претендентов на мировое господство. Вместе с революциями, контрреволюциями и гражданскими войнами Кавказ и Россия переживали все это сообща. Такая общность судеб предопределена была в прошлом самой их историей с географией, которые дважды порождали мировые войны в прошлом столетии. Эта же общность обусловлена и в новом, XX! веке их схожей геоисторической сущностью и успела уже породить и «третью глобальную войну» террора и антитеррора. Оказавшись в эпицентре этой войны, Кавказ с точки зрения «стратегической географии» США и НАТО рассматривается не как продолжение геополитического пространства и зона ее интересов, а как некое ее «исламское подбрюшье» на пути силового продвижения демократии западного образца в «расширенных» границах Ближнего Востока. Вместе с «островом Крымом» Кавказ пытаются как бы оторвать от великого континента России-Евразии, присовокупляя без ведома и согласия его народов к глобалистской неоимперии Большого Ближнего Востока.

Но, продолжая выполнять роль сухопутного межконтинентального и межкультурного моста между Востоком и Западом, между христианским и нехристианским миром,

Россия и Кавказ становятся ареной одновременного не столько столкновения, сколько столкновения цивилизаций, их напряженного сопряжения и совместного противостояния перед общими вызовами и угрозами. Помимо четырех государственно-образующих многонациональных народов России, Азербайджана, Грузии и практически моноэтнической Армении на Кавказе проживает более сотни различных этносов. Если, по подсчетам ученых, на Земле существует около пяти тысяч действующих и потухших вулканов и столько же приблизительно этносов с признанными и непризнанными их культурными автономиями, то на Кавказе таких этносов и народов намного больше, чем тектонических потенциальных очагов сотрясений. На геополитической карте Кавказа горячих точек и «кризисных воронок» намного больше, чем тех самых очагов, которые периодически напоминают о себе разрушительными землетрясениями со всеми их немалыми людскими жертвами. У каждого из четырех государственно-образующих народов Северного и Южного Кавказа все еще кровоточат свои раны: здесь Чечня и Нагорный Карабах, Абхазия и Южная Осетия. Но на самом деле таких болевых точек гораздо больше. Очертить их «меловым кругом» на земле Кавказа столь же трудно, как пытаться вывести «квадратуру» этого круга. Вычерчивается он к тому же не мелом, а чаще кровью. При выяснении причин периодически возникающих кровопролитий и в поиске выхода из конфликтных тупиков те, кто оказались втянутыми в «кризисные воронки», своими силами выбраться из них сами не в состоянии. Не только потому, что не хватает своих собственных сил, но чаще всего еще и потому, что приходящие на помощь утопающим «спасатели», предлагая свои услуги, каждый старается вытянуть утопающего на своем берегу.

Такие «спасательные работы» ведутся уже более пятнадцати лет. Ровно столько, сколько прошло времени после случившейся катастрофы с советским «Титаником».

Слава богу, образовавшаяся после этой геополитической катастрофы «воронка» не затянула тех, кто сумел своими силами добраться до той или другой стороны Кавказского хребта. Но теперь им предстоит вместе как-то обустроиваться – вместе или порознь – на этой земле, называвшейся некогда Советским, а ныне Большим Кавказом, от моря Черного и до моря Каспийского по обе стороны – к северу и югу от Кавказского хребта.

Пятнадцатилетие постимперского сосуществования России и Кавказа в составе СНГ совпало со 150-летием одной из самых тяжелых для Российской империи Восточных войн.

Она вошла в историю не только как Крымская, но и как очередная Кавказская война. В написанном вскоре после ее окончания историческом труде «Кавказская война» известный военный историк граф Василий Потто, напоминая о четырехмерных – двух морских и двух сухопутных – геополитических координатах Кавказа по отношению его к России, Западу и двух соседних с ним восточных держав, писал: «Какое русское сердце не отзовется на это имя – Кавказ, связанное кровной связью и с исторической и с умственной жизнью нашей Родины...» Достаточно беглого взгляда на географическое положение кавказского перешейка, лежащего между двумя морями и между Юго-Восточной Европой и Юго-Западной Азией – двумя главными путями, которыми азиатские народы совершали свои передвижения в Европу, чтобы понять тот фатум, который «приводил русский народ к столкновениям на Кавказе».

Этот «фатум» стал еще более чувствительным как для России, так и для всего Кавказа после того, как Закавказье, вместе со значительной частью Северного Кавказа, оказалось включенным в «расширенные» Вашингтоном рубежи Большого Ближнего Востока. Расчеты Москвы на создание некоего «пояса безопасности» на южных границах России не оправдались. С началом глобальной антитеррористической войны (в один из ее фронтов стал превращаться и Кавказ) «пояс» вместе с расщепленной «осью зла» терроризма на Ближнем Востоке, в зоне Персидского залива, Афганистане становится источником опасности и геополитических вызовов как для России, так и для всего Кавказа.

Надо отметить в контрапункт, что название и подзаголовок книги родились из абсолютно личного наблюдения, когда на Курском (или уж – Бог простит за неточность – на Казанском) вокзале в Москве после отмены поездов на Ереван, на Тбилиси, на Баку и, наконец, на Грозный, бродили мрачные люди с лицом небритой кавказской национальности и спрашивали у билетных касс: «Москва – Кавказ? Есть что-нибудь?» Уехать хоть куда, а там видно будет. Год 1992 – не точное время распада великой империи, в которой нам выпало счастье и горе жить.

Но в тот момент даже «хоть что-нибудь» отсутствовало (а поездов на Ереван и Тбилиси, насколько мне известно, и до сих пор нет). И это состояние дел в отношениях Москвы и Кавказа не только более нетерпимо, а прежде всего неестественно как для Москвы, так и для Кавказа. Это состояние замершего на полустанке поезда. Зачем было бы тогда строить эпохальную железную дорогу по непростым рельефам местности?

Воистину, Кавказ со мною и во мне! Никуда не деваться нам от этой реальности Москвы, да и всей России, от смешанных браков и детей двойного, а то и тройного-четверного этнического происхождения!

Подзаголовок этой необычной книги «Россия "кавказской национальности"» тоже подсказала сама жизнь. Вот одна из историй, во множестве происходящих на улицах Москвы. Приключилась она с одним нашим коллегой, земляком бывшего президента непризнанной республики Абхазия Ардзинба, тоже когда-то сотрудником Института Востоковедения РАН. В Московском метрополитене его остановил для плановой (предобеденной) проверки документов молодой страж правопорядка, наверняка получивший от своего начальства указание «бдеть» в связи с объявленной либо ожидаемой «повышенной опасностью террористических действий». При себе у рассеянного российского ученого паспорта не оказалось. Вид у него явно был «кавказской национальности». Поэтому на вопрос, кто он и откуда, коллега с ироничным подтекстом ответил, не скрывая происхождения своего «лица»: «Россиянин я, но, как видите, кавказской национальности». Отец у него армянин, мать – русская, и по-русски он говорит без какого-либо акцента. У него, судя по всему, были полные основания идентифицировать себя не только россиянином, но и русским. Так сказать, русский с кавказской внешностью, отказавшийся стать гражданином Грузинской Республики, от которой Абхазия откололась. Поэтому и принял российское гражданство, вот только паспорта по небрежности, свойственной многим ученым, у него при себе не оказалось.

Вместо паспорта он достал некий документ, дающий право постоянно проживать в Сухуми. Население этого города имеет кто российские, кто грузинские, кто армянские или иные паспорта. Но все они продолжают считать себя гражданами бывшего Советского Союза или Российской Федерации, которая официально взяла на себя бремя быть правопреемницей распавшейся империи. Все смешалось в доме, называвшемся некогда «Советским Кавказом», а в первые годы советской власти – Закавказьем ЗСФСР. В то время она простиралась от Черного до Каспийского моря, охватывая пространство по обе стороны от Кавказского хребта. Ныне на Кавказе четыре независимых де-факто, но не признанных де-юре государства, не говоря уже о северокавказских республиках, которые входят в состав России, но...

И тем не менее не только на территории РФ Кавказ до сих пор остается «от моря до моря». Будучи, однако, разделенным не только Кавказским хребтом, но и многими, подчас непризнанными и спорными границами, тут накопилось за последнее время проблем, как говорится, выше гор. Каждый из участников книги и «Коллоквиума», разной национальности, в ту или иную часть своей жизни был связан с Кавказом. И потому каждый чувствует себя причастным к поиску решений этих давно назревших противоречий, особенно с учетом нарастающей угрозы терроризма, – и не только в России, а во всем мире.

Составители и авторы этого необычного сборника, который можно было бы назвать также по числу его участников «Квадратура Кавказа», предлагают читателям свое видение стоящих непростых и, похоже, все более осложняющихся, но во многом общих взаимосвязанных проблем геополитической и национальной безопасности России и трех новых суверенных государств Кавказа. Видение этих проблем каждым из них интересно по двум причинам. Во-первых, проведенный ими коллоквиум носит как бы междисциплинарный характер. Один из участников по образованию естественник, другой – философ, третий – социолог и четвертый – военный историк, востоковед. Во-вторых, будучи москвичами, все они представляют в той или иной мере (отчасти по внутреннему самоощущению) все четыре государственно-образующие нации на Северном и Южном Кавказе: русского с украинско-белорусской кровью; «частичного» армянина, чувствующего в себе русскую и польскую кровь; азербайджанца и грузина, навсегда ощущающих свою породненность с такими интернациональными городами, как Москва, Баку и Тбилиси. Так что каждый из них, в соответствии со своими взглядами на мир, постарался по-своему заглушить «зов крови» на генетическом уровне – гласом разума. Пусть читатель сам рассудит, насколько им это удалось.

О Москве и о Кавказе – «разная этажность»

Предисловие Роберта Оганяна

Здравомысленного и открытого разговора о взаимоотношениях Москвы и Кавказа жаждут обе стороны, но скрыто и лавируя, не зная в точности интересов друг друга. Может быть, это просто части чего-то единого. Пожалуй, так. Да и сейчас еще не время раскрывать все и обо всем – так говорят люди знающие. Однако пришла пора обрисовать в литературной форме хотя бы часть возможно нелицеприятной для всех действительности, которая не ноет уже, а кричит и отчасти захлебывается в этом крике. Отнесемся к этому крику честно, как врачующие (себя же зачастую!) – спокойно и с некоторой долей оздоравливающего цинизма.

Мы видим, как в нынешнем состоянии Москвы проявляется тот ужас, который был порожден в свое время именно отношением Москвы к регионам, – «до самых до окраин». Однако в отличие от сакраментальной кинопесни получилось не совсем так, и «человек не проходит как хозяин». Точнее, содержательный смысл сильно изменился.

Прежде всего, некоторые сомнения: принимают ли человеки человека за человека (может быть, это проходит медведь, барсук или лось?..) или как хозяина (собственник, директор, диктатор, просто мошенник?..). И шутку эту можно продолжать, только невесело и не надо.

Главное, следует сказать о страшной и готовой выплеснуться в любой момент ненависти русского человека против тех, которых он считает пришельцами, а именно, вероятно, против тех, кто проходил, но не совсем дошел. Также – о ненависти проходящих к москвичам. Вот-вот, центром этого нового вавилонского столпотворения ненависти взаимоне-понимания стала Москва. Это в принципе естественно, ведь в огромном мегаполисе легче добыть средства для жизни, найти работу, ограбить кого-нибудь или предоставить сексуальные услуги. Иди-ка проделай все это где-нибудь у «южных гор и северных морей»! Это характерно не только для выходцев из Кавказа, однако именно Кавказ во многом подготовил и обусловил ту двойственность в отношении самих москвичей к жизни, которая развивалась еще с середины прошлого века. Эта тема будет рассмотрена подробнее в главе «Биометрическая ксенофобия».

Помимо академических вопросов, затронутых «сенатором» этой книги профессором Леонидом Ивановичем Медведко, важным представляется рассмотреть коллизии бытовой культуры взаимодействия этих двух громадных общностей «Москва – Кавказ».

Москва на протяжении многих десятилетий платит немалую и временами страшную цену за свое положение региональной столицы мира. Многие москвичи издавна побаивались явления приезжих родственников и знакомых с Кавказа. В то же время пострадавшие «гостеприимцы» имели возможность похвастаться перед знакомыми и коллегами – вот, дескать, приехал человечек с юга, привез дынь или вина, и вот, коллеги, позвольте преподнести кусочек вам с нашего стола. Однако кому это нужно, по большому-то счету? Дайте спокойно рассориться с тещей или женой (как вариант – подругой), развестись или воспитывать детей в небольшой квартире, где каждый погонный метр мягкой мебели на счету... И напротив, москвичи, приезжающие на Кавказ, страшно утомлялись от беспрестанного и навязчивого внимания, которое им уделялось, даже если человек поселялся в гостинице, сам по себе, – но ведь штука-то в том, что на усиленное внимание трудно не отреагировать. Нельзя сказать, что не хочешь ехать за сто километров смотреть средневековый храм, а просто желаешь погулять по городу в те несколько часов, которые остаются к вечеру от конференции или еще чего. Нехорошо получится. А многие, как принято по-московски, просто

считали избыточное угощение и гостеприимство естественной халявной данью патрициям из метрополии от жителей южных протекторатов. Разве нет?

Хорошо описал это состояние москвича на Кавказе Андрей Битов в «Путешествии в Армению», очень многое там схвачено верно, хоть и время действия отстоит от нас теперешних лет на тридцать.

Как быть – подчиниться принятому стилю и внутреннему принципу поведения? Признать (москвичам) призрачное равенство Москвы с Кавказом? Или наоборот, поступить по-своему и заработать в результате лишние штрафные очки в глазах местной кавказской общестственности («как же, мы его так приняли с хашем и шашлыками, а он ушел смотреть какой-то музей!»)? Или (для кавказцев) признать равенство Кавказа с Москвой (что было вовсе не так, конечно) и тогда уж не напрягать москвичей назойливыми просьбами провести в их доме несколько дней и ночей. Тут у человека, может быть, назревает развод, инсульт и раздел имущества, – а вот на тебе, приезжает друг-приятель или троюродная сестра со своими проблемами, о которых гость подробно и страстно рассказывает, ничуть не беспокоясь состоянием дел у своего московского хозяина.

Состояние двойственности описано многими писателями, физиологами и художниками в широком смысле слова. А Герман Гессе в своем мрачноватом романе «Степной волк» расположил два полюса этой двойственности на оси коллективистского (как бы человек) и внеобщественного (как бы волк) моделей поведения. Но все равно там и там, внутри и волка и человека остаются островки противоположностей, как в рисунке «инь-ян».

Трудно избежать ощущения, что кавказец в Москве, ставший со временем москвичом и будучи по сути русским, неизбежно сохраняет в душе эту вот контрастность двух начал. Ну да ладно, эти изыски – не для нас, не для обычного аполитичного человека, будь у него хоть два-три лишних высших образования.

Обратимся, быть может, к простой и понятной аналогии – этажности, или высотности.

Человек, всю жизнь проживший в горах, с трудом воспринимает равнинную действительность как данность, ничем не уступающую его привычному пейзажу в ценности почв или красотах зрительных. За одной горой другая, и так дальше. Приводилась подобная метафора еще Фридрихом Ницше, о карликах, которые миллионами копошатся у ног немногих гигантов, переговаривающихся поверху между собой сквозь века. Однако карликам внизу слышен только невнятный гул этого степенного разговора. Но в случае Москвы и Кавказа вовсе не справедливо было бы уподоблять какую-то сторону «карликам», а какую-то – «гигантам». Однако этажность все-таки разная, по непосредственному ощущению. В чем это выражается?

В Ереване я обозревал небосклон, на две трети закрытый холмами и горами. Куда ни пойдешь. В Москве же во второй половине своей жизни я приучился обозревать мир, обустроенный многоэтажными зданиями, заслоняющими небосклон примерно на такую же его часть. Простора все-таки нет, но его нет по-разному. Как говорилось у Дмитрия Галковского в его великолепном «Бесконечном тупике», когда вокруг некогда знатного памятника, который указывает рукой на некий простор, вырастают гребни высотных домов (почему, кстати, нет памятников, указывающих куда-нибудь ногой? Вопрос к Зурабу Церетели, если после неминуемой смерти Пеле – или даже до того, если продажи кофе этой марки потребуют срочной рекламной поддержки, – ему закажут соответствующий монумент в Рио-де-Жанейро). Простора больше нет, но памятник продолжает указывать. Как следует расценивать жест памятника? По-прежнему считать, что где-то там есть некий простор? Хм.

Конечно, не стоит воспринимать буквально, но что-то в этом есть.

Вопрос в том, насколько соотносится естественная, природой данная ограниченность кавказского горского взгляда (правда, в прикаспийском Баку пейзаж более ровный, но ради красоты метафоры об этом можно позабыть), с ограниченностью московской, обусловлен-

ной многоэтажными колоссами рукотворных зданий. Созданий человеческих. Иначе говоря, культура Москвы представляется созданной многовековым, непростым и порой мучительным человеческим старанием, тогда как культура Кавказа во многом еще относится к природному существованию, где глинобитный дом или даже резиденция генерал-губернатора ничего не могли заслонить сверх того, что уже было заслонено величественными горами – созданными Богом. Еще на моей памяти, относительно молодого человека, в Ереване были редкостью высотные здания, да и они располагались как-то на периферии города, в жилых районах, не нарушая облика вечного города (знающие старики поговаривали, будто он древнее самого Рима).

А Третий Рим, в соответствии с фразой измученного цитированием Филофея, – все-таки Москва, так получается.

Важнейший вопрос культуры на сегодня – определиться: Москва – Кавказ? Либо в промежутке между этими относительно равновесными по культурной силе понятиями может стоять союз «и»? «Москва и Кавказ»? Или же точка, грубо: «Москва. Кавказ». Наконец, возможен вариант и запятой, по-европейски мягко: «Москва, Кавказ»...

Ироническое «закавычивание» краткого предисловия могло бы разочаровать поклонников Кавказа в Москве, а также и москвичей, но, дай бог, не разочарует.

Мемуарные заметки московского бакинца

Чингиз Гусейнов.

Беллетризируя прожитое... – я, однако, уже прибегал к подобному жанру, и опыт мой был, правда, похож на *заметки по случаю*, и, не придумав им собственного названия, перефразировал пушкинскую строку, заменив его «суровую прозу» на мои «воспоминанья», и так родилось: *Лета к воспоминаньям клонят*. Потом решил, слово недавно услышал, понравилось, кстати, мало кто его знает и в словарях нет, – вынесу в заглавие: *Амбидекстр*, это о таких, как я, который левша, но пишет левой и правой, а ещё и зеркально. Напечатал: *Левша, пишущий правой*, но вышла опечатка в последнем слове, лишняя *д*, и вместо *правой* прочиталось самонадеянное *правдой*, хотя воспоминания – взгляд субъективный. У амбидекстра, как свидетельствуют учёные мужи, два речевых центра, и с годами, старея, он сохраняет детское воображение и, мысля диалогично, не нуждается в собеседнике, ибо он у него есть – он сам. Так что же: заметки для себя?

Рубеж между реальным *сегодняшним* – вот данность, кажется, будет так всегда, – и возможным *небытием* обозначился после того, как была поставлена точка в большом труде. Однако такое случалось и прежде, а потом оказывалось, что ещё топать и топать. Но ощущение, что теперь – правда: завершён за тридцать лет романый цикл, обрамлённый именем Мухаммеда: первое – «*Мамиш...*» о Мухаммеде *несвященном* (в Германии, издав, так и назвали: *Несвященный*

Мухаммед), последнее – о пророке: *Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина*.

И будто выпотрошился. Ни к чему не лежит душа, кроме как – запечатлеть в дневнике, предавшись иллюзии творчества, день прожитый, возвращаясь иногда в вчерашнее. А потом с ходу переключиться на компьютерный преферанс, не мирясь с виртуальным проигрышем и постоянно обнулявая результат в надежде на везение в следующей игре. Можно и в нарды сразиться, но – лучше вживую, да не с кем. То же с шахматами: партнёры кто умер, кто *далече*.

И тут – мемуарное сочинительство. Но для кого, главное – зачем? Ответ: мол, ни к чему иному не приучен + многолетняя привычка сидеть за письменным столом + оправдание известного тезиса *ни дня без строчки*, ставшего обузой. Вот и мечешься между *для кого* и *надо*.

Не выпячиваться. Этичнее, когда образ автора *элиминирован*, вынесен за черту ради условной объективности или усиления автоиронии. Однако быть и субъективным, когда при подчинённости не утрачиваются господствующие высоты, но глядеть не сверху вниз, это – заповедь, часто нарушаемая, как и все другие, а снизу вверх. Стоишь у врат памяти, и выстроились в очередь персонажи, каждый в ожидании быть услышанным, среди них – и позитивные есть, случаются кумирные, но лучше без них, и деструктивные. И воспоминания чтоб были обращены вовне – быть *экстравертивными*, но и внутрь тоже – *интровертивными*. Но главная опасность, которая подстерегает сегодня, – быть дидактичным, поучать, что сродни занудству, тем более что каждый стремится жить своим умом. Так что в большей мере быть по стилю рефлексивно-аналитическим, нежели сентиментальным, однако сохраняя при этом поэтичность.

А может, выстроить *беллетризованную автобиографию* в жанре, не раз опробованном и реализованном мной, в котором – прибегну к научной терминологии – познавательно-исследовательское, документальное содержание облачено в художественную форму?

...В одной средневековой рукописи на тюркском, у огузов, – ну вот, пошло катиться *по наклонной сочинительство*, – жизнь человека разделена на двенадцать периодов: первый – *дух, витающий на крыльях любви*, коль скоро явился в мир, тут один лишь донулевой минус; второй – *утробный*, он включается в возраст человека, и начало вычислимо лишь приблизительно, простая арифметика, с вычетом определённых природой девяти месяцев; третий – *младенчество*; четвёртый – *детство*; пятый – *отрочество*; шестой – *юность*; седьмой – *молодость*, точнее, *возмужание*, и я бы это определил, если б спросили, всего лишь одним: вдруг тебе открылось, что ты, да, да, именно ты, мнящий себя бессмертным, оказывается, смертен, и отныне тебя не отпустит формула древних мудрецов: «Жизни конец наблюдай»; восьмой – *первая зрелость*, тут у кого как, может даже и наступить, хотя неясно, что это – зрелость? твёрдо стоишь на ногах? кормилец? уже познал боль утрат самых-самых близких? девятый – *вторая зрелость* (годы *старости?* *дряхлости?*); десятый – *третья зрелость*; одиннадцатый – *младенчество*; двенадцатый – *возвращение в утробу земли, а души – чьей куда по деяниям его и помыслам: в ад или рай*.

Однако придётся не выходить за черту десяти, без одиннадцатого: как *старому младенцу* рассказать о себе? и двенадцатого, о чём, иншалла, поведает Клио, если будет на то воля Всевышнего, Он терпит муз рядом с Собой. И – объединить в одно *витающий дух + утробный + младенчество*, но разве поймёшь, когда завершается одно и начинается другое? Ав каждом присутствует *сей день*, прерываемый... однако пора:

Имя из сказки Мелик-Мамед

Так, именем азербайджанского героя-богатыря звали деда по материнской линии, самая изученная мной, а фамилия – Рахмановы, корабелы, как говорили в семье; потом узнал, что шили они паруса.

Жили в старой части Баку, дом как крепость. Служил Мелик-Мамед в пароходстве «Меркурий» капитаном торгового судна «Наследник» (в советские годы – «Цюрупа»), плавал по Куре и Каспию, удостоен указом «Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссийского, и прочая, и прочая, и прочая» от 18 марта 1905 года «по выдержании испытания в науках» звания «капитана первого разряда», впоследствии – у меня старая визитка: «капитанъ дальняго плаванья», и «смерть застала его, как о нём писали, на пристани, после швартовки судна».

Дабы увлечь внучку Дину рассказом о деде её деда, придумал ему, обыгрывая а-ля революционное прошлое его, уже начинался пересмотр всего и вся, «пиратские» приключения... Смотрит он на меня горделиво со своего портрета, густые чёрные брови, чёрные усы. Не он ли дважды выполнял, дабы не сочли трусом, поручение Наримана Нариманова взять на борт тираж его книжки «С каким лозунгом мы идем на Кавказ?», отпечатана в Аст-рахани для распространения тайного в Баку, полна выпренности: «На высоких вершинах Кавказских гор водружено будет Красное знамя». А потом тем же путём – гневное письмо Нариманова бывшему другу Усуббекову, премьеру независимой от большевистской России Азербайджанской республики. Оба они романтики-утописты, но первый успел за месяц до загадочной смерти в Москве покаяться в письме малолетнему сыну, нечто вроде завещания, а второй погиб от руки террориста, – дела и помыслы их пахли кровью. «Близок грозный час, – страдал Насиббека, – когда предстанете перед судом рабочих и крестьян!» – письмо в общую почту вложил племянник Мелик-Мамеда юный Гусейн, курьер в правительстве, точнее – министерстве иностранных дел, впоследствии, такие игры фортуны, он станет «вождём» Советского Азербайджана – Председателем Совнаркома Азербайджана.

Республика, прозванная «мусаватистской», вскоре и впрямь прекратила существование: в апреле 1920 г. части 11-й Красной армии вторглись, дабы «не обидеть восставший народ», в Баку, затем двинулись в Армению, оттуда – в Грузию, везде шли «навстречу пожеланиям восставшего народа», неся на штыках «счастье» Кавказу.

Рахмановых было три брата, и все они жили в отцовском доме на Персидской улице, д. 44. У старшего Али-Паши («паша» с ударением на последнем слоге, «генерал» по-турецки) рождались только мальчики, плеяда вождей будущего Советского Азербайджана; среднему, моему деду Мелик-Мамеду, жена, моя бабушка, рожала лишь девочек, Махбubu и Махфират, ставшей моей матерью; а младший брат Али-Ага вот-вот женится, – разница между старшим и младшим – почти двадцать лет.

У меня сохранилась копия брачного свидетельства – кябина моих деда Мелик-Мамеда и бабушки Наргиз, или Нарцисс: арабская вязь, а сбоку перевод на русский поблекшими фиолетовыми чернилами, исполнен нотариусом, красным подчёркнуты имена жениха и невесты¹:

Жених бакинец Мелик Мамед Гаджи Гаджибаба оглы², 35 лет. Поверенный его – отец названного. Невеста бакинская жительница Наргиз Ханума – так в тексте, не ханум,

¹ Здесь и далее во всех приводимых документах и письмах орфография, пунктуация и грамматика сохранены как в оригиналах.

² Вот уж многоимённость!... Двойное *Гаджи* в имени означает: первое входило в состав имени моего прадеда, *Гаджибаба*, или в скороговорке *Ад-жеджбаба*), второе приобретено как почётный титул по совершении хаджа в Мекку и Медину. Вообще-то о нашей длинноимённости существует рассказ-быль: *Всероссийский староста*, как называли Калинина, при-

а ханума на грузино-армянский манер – *Мешади Али-Акпер кызы* (*Мешади* – титул моего прадеда, обретенный после посещения им города Мешхед в Иране, священного у шиитов), *поверенный ея бакинец Гаджи Агабаба Зейнал оглы*.

Кябинная сумма сто восемьдесят пять червонец, долг жениха. Кябин вечный. 18 Зигиджа 1319 – 27 Ноября 1911 года отец жениха названный Гаджи Гаджибаба пожизненно ручается, а после смерти ответственствует жених. Так как названный Гаджи Гаджибаба неграмотный, по его просьбе расписался Кербалай Мустафа Гаджи Мирага Мамед Касим оглы³ Гаджи Агабаба Зейнал оглы. Кябин совершил молла мечети «Джами» Ахунд Мамед Ахундаде. И указан переводчик: Перевел Ибрагим Джеванишир.

Бакинский Народный нотариус Николевского района (смесь нового, «народный», и старого: центральный район Баку – в честь императора) удостоверяет соответствие вышеизложенного оригиналу и что *доход в казну и гербовый взыскан 1921 года Декабря 28 дня по реестру № 7618*.

Дед мой, как все тогдашние мужчины, мечтал о сыне, и потому – с согласия, говорят, первой жены – привёл в дом вторую, Мейранса, и та родила ему сына Рахмана, а следом дочь Лейлу, так что мечта осуществилась и неведомо, почему дед согласился принять от своего боцмана в дар его сестру: якобы шли с ним по улице, и он услышал песню *Улицы водой полила, / чтобы не было пыли, когда любимый придёт*, заслушался, очарованный нежным девичьим голосом, спросил, кто она, и боцман ответил: «Она моя сестра, и если тебе нравится, как она поёт, дарю её тебе!» – таков был знак особой преданности боцмана своему капитану; третью жену звали Ширингыз, *Сладкая девочка*, она оказалась бездетной; я её помню – худую и высокую в моём представлении подростка, оранжевые от хны волосы, быстрая и подвижная, с крикливым голосом: она внесла в семью склоки, *ну да, ведь сальянка, а сальянцы ух какие интриганы!* – говорила о ней с раздражением бакинская родня бабушки.

Первую жену, то есть мою бабушку, дед как будто любил, о чём можно судить по тому – это я в детстве не раз слышал, – что часто ей пел, когда она была единственной его женой, народную песню, чрезвычайно популярную поныне: *Ты – моя красавица, / Свет моих очей. / Даже в раю не сыщешь / Такой, как ты, гуриш...* и когда я её слышу («рай» в советские годы был заменён на «в мире»), тотчас представляю себе картину, кажущуюся мне необычным, даже смешным, но мне приятно это видение: дед песней изъясняется бабушке в любви!..

Я хорошо помню жён деда, знаю многое из подобного быта не понаслышке. В многожёнстве – часто дискутируемая проблема, трактуется порой прямолинейно, даже примитивно – видят принижение женщины, удовлетворение мужчиной неуёмной похоти, хотя проблема эта в меньшей мере, так сказать, сексуальная, а в большей – экономико-социальная, связанная как с *наследником*, так и вообще *наследством*, укреплением уз семьи, клана, расширением финансовой основы семьи. Зачастую, если жена не может родить сына и вообще – рожать, сама приводит вторую жену к мужу; такое лично наблюдал не раз, тянется с библейских времён (Авраам – Сарра – Агарь, или Хаджар на мусульманский манер).

Многожёнство давало возможность женщине завести семью, обрести дом, состояться, оно не навязывается в исламе, не является обязательным, обставлено рядом существенных и зачастую невыполнимых условий, связано с возможностями мужчины содержать жён, обес-

ехал в Азербайджан вручать ордена. Председатель ЦИК Азербайджана Агама-лиоглу, ведущий собрание, провозгласил, приветствуя гостя: *Вы нам из Урсчета (России) революсия качай-качай, а мы вам из Баку нефть качай-качай!* (бурные аплодисменты). А потом стал вызывать на трибуну награждённых и произнёс: *Мелик Мамед Гаджи Гаджибаба оглы...* – Калинин его перебил: *«Самедага, не всех сразу, по одному вызывай!»* – «А я по-одному и вызываю!» – ответил Агамалиоглу.

³ *Кербалай* – титул, обретаемый при паломничестве в Ирак – город Кербелу, где похоронен Гусейн, убиенный внук Мухаммеда; *Мустафа* – собственное имя. *Мамедкасим* – имя отца, и – титул *Гаджи*, а *Мир* – показатель родства с пророком Мухаммедом, Ага – господин.

печивая всем им равные права; это – как бы само собой разумеющееся. И есть в Коране: да, мужчина может привести в дом новую жену и разрешено иметь четырёх жён, но! – и тут наиглавнейшее условие – если мужчина в состоянии ровно разделить свои чувства между жёнами! Если этого сделать не в силах, то новые женитьбы категорически воспрещаются. И ещё: великим грехом при многожёнстве считаются склоки и раздоры в семье, вызванные ревностью жён друг к другу. И дети жён считаются родными братьями и сёстрами.

Бабушка моя, будучи в идеальных отношениях со второй женой мужа и понимая, что этот брак был вызван желанием мужа иметь сына, решительно не примирилась с третьей, внесшей интриги в семью.

...Боже, какой разгорелся спор вокруг *Сладкой девочки*, когда в апреле 2006 года с женой Еленой я побывал – впервые в её жизни – в Баку, дабы отметить 80-летие родного брата Али-Икрама, знаменитого тариста, музыканта-исполнителя в Азербайджане, ныне почти ослеп, увы. И моя несказанная радость, что ночевал в комнате, в которой родился и где ночевал в последний раз ровно полвека назад. Тут собралась вся наша многочисленная родня, в том числе троюродные мои сёстры по единому деду, но разным его жёнам – первой и второй, Афа и Лала: утверждали, что третья жена Ширингыз – никакая не сестра боцмана, а младшая сестра их бабушки. А я доказывал, что это исключено, чтоб женились на сёстрах, и «младшая сестра» – метафора, жёны так обращались друг к другу. Часто называлось имя *Ширингыз*, смысл которой был известен Елене, знала историю, и когда произнесла, прозвучало с русским акцентом, сладкозвучной чёткостью, и женщина, прислуживающая брату, Судаба – весёлая, музыкальная, иногда устраивают семейные «концерты», он играет на таре, а она поёт газели; увы, ни слова не знает по-русски – вдруг произнесла, обращаясь к Елене: «Ти хороши Ширингыз!» – расхохотались, прервав спор. Трудно было представить, что вот так вместе собрались впервые, столько тепла, уюта и близости исходило от таких разных, но родственно связанных, и удивительно, что с девочками... какое уж там: каждой вокруг пятидесяти, а видимся-встречаемся... впервые.

Третью женитьбу бабушка моя рассматривала как мужнюю блажь, ожидая лишь повода, чтобы выразить ему свой протест. И повод вскоре нашёлся: скандал с умыкнутой дочерью – моей матерью.

«Свет моих очей» Наргиз из Крепости

Можно сказать: «велика роль бабушки в моей жизни» – банальность. Пережила не только мужа – почти на тридцать лет, – но дочь, мою мать, на десять лет, и умерла в мои двадцать семь. Растила двух дочерей – старшую Махбубу благополучно выдали замуж за человека набожного и образованного, знатока Корана, имя его Али-Мамед, а звали меж собой Бирдже-даи, «Единственно-неповторимый дядя», он был родом из Пиршаги, тихого живописного пригорода Баку, зелёного, песчаного, некогда было облюбовано азербайджанскими поэтами, пока их не разметало в 1937-м: именно здесь великий Мюшфик создал знаменитое, самое значительное, с моей точки зрения, в советские годы стихотворение «О, если бы вернулись те дачные дни!...», светло-жизнерадостное содержание которого звучит в свете последующей его трагедии с ностальгической болью, – да простится мне сентиментальность.

Угораздило Али-Мамеда в одно из гостеваний прийти в Крепость, где жила семья бабушки, и узреть, полюбив, будущую жену, а когда уходил – такое совпадение – попал в бойню азербайджанцев, началась так называемая трёхдневная мартовская война 1918 года, приведшая к власти большевистскую Бакинскую коммуны, – ранили его в спину, чудом остался жив; однажды я сквозь сетку-майку увидел шишку на его лопатке.

А за младшей дочерью Махфират не уследили: сбежала из дому – ей всего лишь четырнадцать! – с полюбившим её (а она – его) моим будущим отцом. Побег вызвал переполох в семье, тем более что случилось в девичьем доме бабушки, где в маленьком дворике жили братья с семьями... хватились – нет Махфират! Соседи видели, как она в шелковом платке, *сама, без принуждения* с чьей бы то ни было стороны, села *с молодым парнем* в фазтон и умчалась в неизвестном направлении.

Дед был взбешен: как могла жена допустить, чтобы дочь умыкнули?! Позор на весь род!.. Впрочем, уже времена *советизации* Азербайджана – кстати, потом «советизация», в котором оттенок насилия, заменило словосочетание «установление Советской власти», – к тому же мой отец именно в тот период, как напишет потом в автобиографии, *служил в рядах рабоче-крестьянской милиции*, да и никакого нарушения закона: всё случилось по доброй воле девушки.

Побег матери, вписываясь в популярный тогда лозунг: *Революция в быту! Революция – в сознании!*.. всегда меня волновал, даже восхищал в свете искусства соцреализма, особенно как предался сочинительству: такой сюжет! вызов, брошенный патриархальному миру! свобода личности!.. Но родня не любила говорить *о дерзостном поступке*, а мой старший брат Али-Икрам, ревностно чтящий наши обычаи, всегда обходил в беседе со мной эту тему, будто ощущал неловкость от приключившегося, а то и возражал: ничего подобного не было, выдумки недругов семьи.

Но одно дело – художественный вымысел с интригой в духе борьбы личности с косностью или *раскрепощённой женщины Востока*, бросившей вызов патриархальному миру (увы, мной по-настоящему замысел так и не был реализован, а если что и написал, – назывное, декларативное: вот бы где соединились *революционность* с мистикой *духа, на крыльях любви витающего*), а другое – как было в конкретных бытовых обстоятельствах того реального мира, осуждающего подобные выходы.

Побег дочери будто бы послужил причиной раскола в семье деда, тот, рассказывают, жестоко избил бабушку, прогнав её из дому, при этом даже приводились его слова: *Не удержала дочь – сама отправляйся следом за нею!* – за что отец – мой прадед, любивший свою невестку, тоже прогнал сына из дому: иди, мол, к двум другим своим жёнам, которые, кстати, жили в другом доме, который дед купил для них (где поныне живут троюродные мои – по

деду – сёстры, дети его дочери Лейлы от второй жены, те самые Афа и Лала, и где хранились диплом и визитка деда).

Разрыв был, но повод, думается, другой: поступок дочери вдохновил бабушку на решительный шаг – сама, давно в ней копилось, собиралась с мужем расстаться: привёл в дом, прихоть, блажь, третью жену.

Сразу после составления копии брачного договора (очевидно, потребовалось советское подтверждение брака, заключенного за двадцать лет до этого) и состоялся побег моей матери; и бабушка, покидая дом мужа, не забыла забрать с собой кябинную грамоту, почему она и оказалась у меня; так что терпела-терпела и однажды ушла жить в семью дочери, тем более что та вскоре родила сына – первого внука моего деда. Однако не могу не сказать, что *для других*, для внешнего, так сказать, мира уходу бабушки из дома мужа был придан вполне житейский резон: надо помочь дочери, некому присмотреть за ребёнком, ибо не справляется с учёбой, – *ах она ещё учиться пошла!* – судачила родня, это так не принято, чтобы замужняя училась! Впрочем, скандальный брак моей матери оказался удачным, и родня вскоре примирилась с молодой семьёй.

Редкое имя – Махфират

Слово, взятое из Корана: *«Молитесь Всевышнему, дабы добиться Его благосклонности, и Он простит вам ваши грехи!»* А вообще-то многие имена у мусульман – коранического происхождения.

Если со дня моего рождения 20 апреля 1929 года... – о, как переживал, когда в юности, перелистывая энциклопедии, моё любимое занятие, узнал, что именно в этот день, в этом месяце родился Адольф Гитлер; но возликовал, открыв ближе к почтенным годам, что день-месяц моего рождения – те же, что у пророка Мухаммеда, да простит Всевышний мой грех, что рядом поставил имена посланника Его и злодея из злодеев.

Так вот, если вычесть положенные месяцы со дня рождения, будет июль предыдущего года, пик жары, когда на даче в Мардакьянах под Баку (до моря идти долго, лучше выйти из дому рано, когда лучи солнца не столь обжигающие) отдыхали отец и мать в свежевыбеленном известью домике с единственным окошком на стене, зияющим чёрной дырой.

Однажды мать с отцом, я стоял рядом, долго смотрели на это окно, и мать, прижав меня к себе, сказала: *Запомни, мы здесь жили, когда тебя ещё не было на свете, но ты должен был появиться*, – и переглянулась с отцом, он был в майке-сетке, в их взгляде была какая-то странная, загадочная теплота.

Дачу с огромным песчаным участком, чем испокон веку владели родители бабушки по материнской линии, с обилием стелющихся по песку виноградников, приземистых инжировых – много позже узнаю, что это смоква, – деревьев и высоких шелковиц с крупными сладкими ягодами, белыми, чёрными и розовыми, в советские годы отняли, оставив нашим лишь малую часть у дороги с единственным чёрнотутовым деревом, взобравшись на которое можно увидеть море. Недавно перевезли сюда прах деда бабушки, потревожив его дух, с бакинского кладбища в Чемберекенте⁴ – намечается прокладка дороги, строительство многоэтажных домов, прежде всего – здания ЦК Компартии (с добавкой или уточнением в скобках *б – большевиков*) республики; прах похоронили в дальнем углу дачи у каменного забора, засыпанного песком.

Я рос в утробе, эволюционируя... короче, стремительно зрел, ускоренно проходя, по Дарвину, миллиардный биологический путь от одноклеточных – через обезьяну, до человека⁵.

А между тем жизнь в молодой семье текла своим чередом, как можно домыслить на основании впоследствии услышанного, где были свои бытовые радости и неурядицы, согласия и ссоры, всевозможные семейные интриги: мать была коренной бакинкой, а отец – из пришлых, шемахинец, с множеством братьев, переселившихся в Баку.

Была моя мать при собственном рождении, как рассказывали, полна жизни и так здорова, о чём свидетельствовали алые пухлые щёки, что это отчего-то встревожило суеверную мою прабабку. Смутно её помню: маленькую, сгорбленную, и удивился, когда увидел бабушку с её мамой, и в глазах бабушки – нечто детское. Прабабка, боясь сглаза, велела, чтобы ребёнку чуть-чуть выпустили кровь: младенцу надрезали слегка спинку у лопаточки – оказалось, неудачно, – и оттуда брызнула кровь, так хлестала, что еле остановили, с тех пор ребёнок рос хилым и болезненным. Кстати, эти знахарские способы лечения погубили

⁴ Чемберекент – прочту у Маяковского: *На пригорке сад. Лестница белого камня. Было кладбище. Велели родственников перенести. Теперь разрастается парк и сад, а лестница из невзятых памятников* (т. 9, с. 431).

⁵ Сочетание *обезьяны и человека* тотчас ассоциативно рождает во мне фразу – первое предложение на азербайджанском, которое выучил наизусть мой сын при усердии земляка Аяза Эфендиева, ныне академика, во что бы то ни стало внедрить в Гасана: *Бюйүк инээлис алими Чарлз Дарвин демиишидир ки, инсан меймундан ямяля эялмишидир* (фраза из популярной комедии *Мешади Ибад* означает: *Великий английский учёный Чарльз Дарвин сказал, что человек произошёл от обезьяны*).

впоследствии самую прабабушку: она захворала и слегла, попросила, чтоб пылающим факелом вытеснили из глиняной пиалы воздух и приложили к её смазанной жиром груди, дабы втянула чёрную дурную кровь, от которой – хворь, так лечили простуду издавна. Уснула с приставшим к груди сосудом, а утром застали мёртвую, и я на всю жизнь запомнил чёрный круг пиалы, отпечатавшийся у неё на груди, а посреди – тёмное вздутие (и бабушка моя умрёт от этого же, но вместо глиняной пиалы – банка стеклянная).

Мать, когда ей было четырнадцать, случайно встретил мой будущий отец Гасан и... умыкнул, точнее, она бежала с ним: любовь была обоюдной, это неистребимое убеждение сыновей. Отец был старше матери, если судить по году рождения в автобиографии, 1897, на двенадцать лет.

Но как и где он мог её случайно увидеть? Куда привести, будучи сам, как говорится, *без кола без двора*? Неужто в дом, где жил, занимая две комнаты с кухней в уплотнённом доме миллионера Ашурбекова, старший его брат Ага-Али с семьей? Как к этому его поступку отнеслись отцовские родственники?.. – не у кого теперь спросить.

Гасан, или Зловещие аббревиатуры

Лет сорок назад, в начале шестидесятых, в пору оттепели, я стал обладателем автобиографий моего отца из личного его дела, фотокопии: три написаны его рукой, одна отстукана на машинке и подписана, датированы 1930, 1932, 1935 и 1939 годами, хранятся в архиве УРКМ, расшифровывается как *Управление рабоче-крестьянской милиции* при НКВД Азербайджанской ССР, где отец работал последние годы своей жизни. Автобиографии написаны по-русски, не без орфографических и синтаксических ошибок. Последняя – от 25 января 1939 года, чуть более месяца до смерти (умер в том же году 3 марта). Вчитываюсь в каждое слово, меня волнует каждая запятая, живо представляю, как отец мой, макая ручку в чернила, строил фразы, выводил замысловатую подпись.

Признаюсь, и после XX съезда долгие годы верил в *идеальный* социализм, или *социализм с человеческим лицом*... Сегодня вредный анекдот даже родился с душком антисемитизма, противного моему естеству, но не откажешь в оригинальности: «Строили социализм с человеческим лицом – получили капитализм с жидовской мордой». Думал, однако, что *хорошие* идеи исказились, рано или поздно неизбежны перемены, и потому до поры до времени изыскивать легальные формы протеста, что и делал, как наивно полагал, в романах (через историю о современности): имея в виду наше время, описывал деяния Кровавого Шах-Аббаса, церемониалы тогдашних сборов, встреч, похожих на *политбюрейные*. Но каждый раз – полная безысходность. И при этом в собственных автобиографиях (школа, вуз, аспирантура, работа) до оттепельной поры я не без чувства гордости отмечал, что отец (в скобках годы рождения и смерти: 1901, как говорили в семье и запечатлено на могильной плите, на самом деле – 1897 и – 1939) служил в рядах милиции, уточняя аббревиатурой УРКМ, – *Управлении рабоче-крестьянской милиции при НКВД Азербайджанской ССР*.

Это *при НКВД* было как бы щитом, которым можно прикрыться от всевозможных жизненных напастей, неожиданностей, показателем нашей *семейной* верности системе, стержнем-хранителем которой был грозный *НКВД*; потом это *при* стало неким барьером перед четырёхбуквенной зловещей аббревиатурой *НКВД*.

Что значит *при* – впоследствии испытал сам, когда меня как специалиста в области литератур народов СССР пригласили на кафедру теории литературы и искусства в *Академию общественных наук при ЦК КПСС*; из этого всемогущего научного заведения вышла почти вся нынешняя господствующая, а также оппозиционная элита, и первым в длинном списке мог бы значиться Александр Яковлев.

При общении с идеологическим человеком (*а сам не был из них?*), служивым и взяточником чиновничеством выручало (*удовлетворяя, может, и собственное тщеславие?*), гипнотическое удостоверение с этим «при ЦК КПСС», особенно если пальцем прикрыть непонятное «АОН»; в пору распада СССР я шутил: в советские годы выгодно было прикрыть пальцем АОН, а в постсоветские – при ЦК КПСС.

Но времена изменились, ныне выпускники стыдятся вспоминать об этой странице биографии, а если всё же кому приходится говорить об этом учреждении – *из песни слова не выкинешь*, – то, как правило, наблюдается попытка умолчать про жутко звучащее *при ЦК КПСС*; а что до *АОН* – кто поймёт, что речь о партийно-коммунистической школе?

Прочёл отцовские автобиографии разом, как получил, и – обида, досада, что ни в одной, даже последней, нет упоминаний о собственной семье: ни о матери, даже имя её не названо, ни о нас, детях, хотя о всех родственниках сказано подробно; спрятал автобиографии в папке редких бумаг, точнее – вложил меж страниц пустого Протокола допроса, постоянно приковывавшего моё внимание своими вопросами: Социальное происхождение и две графы: *до революции и после революции. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест*

и др. (когда, каким органом и за что) с теми же двумя графами: а) до революции, б) после революции. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда, в качестве кого).

Пытаюсь понять: почему хранил *Протокол допроса*, всплывший из письменного стола отца, и таскал с собой при многочисленных переездах? Память об отце, нечто вечное, что связано с ним? Или мальчишеское любопытство проникнуть в загадочный мир отца? Тогда внутренне неосознаваемое, но жившее во мне, очевидно, чувство, т. е., летописца, кому это может пригодиться? Или непохожесть листка ни на что другое печатное, с чем я сталкивался? Притягивала в протоколе грозно-пугающая надпись: НКВД Азербайджана, а под ним: *Управление государственной безопасности*? Обладание Протоколом являлось для меня, с отроческих лет представленного самому себе, ощущающего без отца незащищённость, гарантией собственной безопасности?.. Но не только *подобное* хранил: в старых бумагах – и брачное свидетельство моей бабушки, о чём было? Ряд других бумаг, о которых будет сказано? Не утратить ощущение корней?..

* * *

Из первой автобиографии можно узнать, что в тот год, когда отец умыкнул мою будущую мать, начало 20-х, дела у него шли неплохо, он, до того находясь без работным (так в автобиографии), *поступил в Адм.отдел Баксовета, где сперва работал в качестве райсмотрителя (рядового милиционера), после чего, получая повышение (все запятые поставлены мною), занимал должность Пом. Нач-ка 4-го района Баку.*

Итак, отцу 26, матери – 14, когда по доброй воле она бежала из отчего дома *с любимым ею человеком*. Жила молодая семья... тут надо сделать отступление, ибо сразу и не скажешь, как мой отец-шемахинец оказался в Баку, где и как обрёл жильё, чтобы суметь построить семью.

Родился Гусейнов Гасан Алекпер оглы (или рождён, пишет) в 1897 году *в городе Шемахе, Бакин. губ. Из второй биографии: родом происхожу из жителей Шемахи Шемахинского района. В третьей – родился в Бакинской губ. Шемахинского уезда, селение Лаич. В четвёртой – родился в сел. Лаич, Исмаиллинского района.*

Разной связан с изменениями, очевидно, в районировании республики. Но высокогорное село *Лаич* (точнее – Лагич), где родился отец, вызывало во мне до недавнего времени некоторое недоумение, ибо там живут главным образом *таты, персоязычные иудеи*, а отец мой не знал их родного языка фарси. Как получилось, что отец родился не в Шемахе, а в Лагиче? Есть, оказывается, там *квартал шемахинцев*, где они жили после череды разрушительных землетрясений в Шемахе.

В последней автобиографии отец подробно говорит о каждом из своих живших к тому времени братьях:

Братья мои:

1. *Гусейнов Ага Мешади Алекпер оглы, прожив. по ул. Пролетарской, туп. 7, д. 5* (он из братьев – *второй*: первый, самый старший брат умер в 1920 г., *Теймур*; Ага Мешади я не помню, но в *тупик Пролетарский* входил в детстве не раз, а с кем и к кому – провал в памяти; от него никаких наследников не осталось, а от двух дочерей, ныне покойных, старшего Теймура – старшей Таиры, она воспитывала нас с братом, – никого, умерли и сын Тамерлан, и внук Юнис, от младшей Сары – дочь Алмаз, которая в годы развала страны оказалась в США, где и живёт поныне.

2. *Гусейнов Ага Али Алекпер оглы, прожив. Нижне-Нагорная, д. 74.* Высокий, статный, строгий, бывший купец, пережил всех братьев, в пору советизации став никем, хвастал прошлыми богатствами (многое в моём мироощущении связано с ним, но об этом дальше). Никого из наследников.

3. *Гусейнов Эйбат Алекпер оглы, проживает по Ст. Почтовой ул. № 59. Это наш дом, мы – на втором этаже, они – в подвале, и это – постоянный укор ему жены Набат: Ты, старший брат, живёшь в подвале, занимаешь всего лишь одну комнату, в которой постоянно темно, и привёл меня сюда, а он, младший твой брат, живёт на втором этаже, занимает две комнаты и в них всегда светло!* Я это сам слышал и однажды спросил у матери, почему так произошло, она и ответила мне, что брат отца долго раздумывал, прежде чем переселился сюда: все комнаты к тому времени в уплотняемом доме миллионера разобрали, остались лишь подвальные помещения; Эйбат, с рождения горбатый, был полным сил мужчиной, о нём ещё будет; кстати, тягой к сочинительству, приобщением к чтению я обязан его сыну, моему двоюродному брату-ровеснику Энверу, талантливейшему на всевозможные выдумки.

Пятый – мой отец, если первый – Теймур, и 4 (шестой по возрасту из братьев) *Гусейнов Шарбат Алекпер оглы, проживает в гор. Шемахе* (тут родни не счесть: множество внуков и правнуков).

Через запятую после слова *Шемаха* отец спешит сообщить – набор оправдательных фраз из пяти пунктов, что братья: (а) *не подвергались к репрессиям и арестам органами Соввласти*, (б) *не лишены, также* (в) *в войсках белых и* (г) *национальных правительствах не служили*, (д) *членами в других партиях не состояли*.

Но вернусь к началу: *Родился и вырос я в бедной трудовой семье кустика-башичника (иначе говоря, чувячника). И – модное в те годы, ибо чем ты беднее, тем ближе к всенародной рабоче-крестьянской власти: В очень жалких бедственных условиях мы влачили свое жалкое (дважды жалкое, кашу маслом не испортишь!) существование.*

Есть противоречия – в другой пишет: *Отец мой Алекпер Гусейн Али-оглы работал дома по починке башика и чувяков. Умер с малых лет моих. Он был не имущий. По одной автобиографии малые года – это, как выведено рукой, приблизительно три года, а по другой – десять лет.*

Вся тяжесть по содержанию матери вдовы (о бабушке по отцовской линии, увы, ничего не знаю, даже имени память не сохранила!), меня малыша и других пала на моего старшего брата Теймура Алекпер-оглы (умер, оставив двух дочерей, – о них чуть позже). Он служил в Баку приказчиком у известных мануфактуристов Бр. Мехтиева, у которых получал за труд свой в месяц 9 руб. жалования, на это мизерное трудовое средство он содержал мать вдову и меня малыша. Когда я немного достиг старшего возраста, он меня определил в этот же мануфактурный магазин по Базарной угол Ст. Почтовой улице, где сам работал, мальчиком за три рубля вызова... – очевидно, отцу надо было прибавить лета, чтобы взяли на работу мальчиком на побегушках?

Когда отцу исполнилось, как пишет, 12, брат *определил в Бакинскую русско-татарскую школу (или 4-е русско-татарское городское училище)*. В России нас, как всех тюркоязычных, называли татарами – для удобства запоминания, а может, из-за инородческой глухоты, и различали по месту обитания: *казанские татары, крымские, тобольские, кавказские, астраханские, закавказские и т. д.*; впрочем, мы сами азербайджанцами себя до революции не называли – внедрилось в пору паспортизации в 30-е гг.; называли себя *турками* (на русский манер – *тюрьками*, дабы отличить от турок-османцев) или *мусульманами*: многие века жили в Персидской империи, которая – такая политика продолжается и поныне – внедряла в тюрок начало мусульманско-шиитское, гася начало *этническое*, дабы настроить их против постоянного соперника-врага на мировой арене – Османской империи, обитатели которой – презренные сунниты.

С большими материальными затруднениями удалось мне, пишет отец, кончить учёбу. В каком месяце не помню, осенью 1914 года я устроился переводчиком к Аркадию Даниловичу Ковецкому – следователю по особо-важным делам, где прослужил до 1916-го года, его откомандировали в Москву (в Совет Коллегии защитников при Верховном суде), и я был уво-

лен. Оставшись без работы, начал работать совместно с братом Эйбатом по Базарной улице № 51 в караван-сараях по заготовке шапочных принадлежностей, где и ночевал.

В последующих автобиографиях содержатся два уточнения: первое, что *поступил учеником по пошивке подкладок к азиатским шапкам в шапочную кустарю* (ни слова об Эйбате) и *получал поденно мизерные гроши, копейки*; и второе, в последней автобиографии, более логичное и обстоятельное: что окончил *русско-татарское училище* (и поныне грузины называют азербайджанцев татарами, а армяне – турками, как и турок-османцев, лингвистически не делая различия между нами) в 1915 г., *но т. к. средство* (так в тексте) *у моего брата* (речь о Теймуре) *не было, то я продолжать учебу не мог и пошел на заработки, начал работать со своим братом Гусейновым Эйбатом по пошивке шапочных подкладок по Базарной ул. 51 до 1916 года. Увидя что от этой работы в смысле моей жизни не дает никакой пользы, то я решил устроиться на работу жить самостоятельно. В сентябре 1916 года устроился переводчиком у следователя Аркадия Даниловича Ковецкого, у которого я работал до декабря 1916 года по ул. Красноармейской д. 32.* (Из беспокоящих совпадений: живу в Москве на Красноармейской улице. В Баку, кстати, Красноармейская прежде называлась Красноводской – вела к порту, откуда частый маршрут – на ту сторону Каспия, в город, ныне переименованный в Туркменбаши... Красноармейская потом стала улицей Самеда Вургуня... в Москве улица Самеда Вургуня рядом с нашей Красноармейской). *Уволившись с работы я обратно начал работать со своим братом по пошивке шапочных подкладок, и таким образом работал до 1920 года – это рубеж: советизация! – и одновременно учился сам.*

Да, существенная веха: советизация 28 апреля 1920 г. Азербайджана. Через несколько дней, в мае... – тут тоже в автобиографиях подробности перемежаются со скороговорками, тем самым создавая некоторые, правда несущественные, противоречия. Последняя – самая подробная, хотя несколько странноватая из-за последней фразы, о которой ещё будет.

Судя по сложившейся новой ситуации, отец был нарасхват: в те времена немного было грамотных из, так сказать, низов, не только знает два языка, но и владеет письменностями русским и тюркским, и потому нет трудностей с работой – устраивается в *республиканский Наркомфин*, но тут же командирован на родину – в городское казначейство Шемахи, где служит в качестве переписчика в бюджетно-расчётном управлении, и через два месяца, в августе, поняв, что *по счетной работе мало подготовленный*, переходит работать в *Ревком Кашунского участка, Басхал* (о первых послереволюционных месяцах именно этого Ревкома – в романе «Мир рушится» Абульгасана – живого свидетеля событий; в конце 50 – начале 60-х я переводил – вот уж судьба, что мне поручили перевод, но знай я тогда, что отец в то же самое время находился в Басхале, может, узнал бы кое-что о его жизни той поры) в качестве делопроизводителя. Однако, заболев малярией, которая свирепствовала тогда в Азербайджане, возвращается в Баку, поступает в *АзСовнархоз на должность агента торгового отдела, уволен по сокращению штатов.*

Вскоре начинает работать в *органах рабоче-крестьянской милиции 1, 2 и 4 районов райсмотрителем, Пом. Нач-ка района*, то есть проходит путь, о чём говорится в другой автобиографии, *от младшего милиционера до Пом. Нач-ка 4 района* (есть уточнение: получая повышение). Но снова: *Уволился по собственному желанию* (в подтверждение называется приказ № 64).

С 1924 по 1929 год служил секретарем Комитета торгово-промышленных и кустарных производственных предприятий гор. Баку. И опять: *Уволился по ликвидации названного комитета.*

В ранней автобиографии подробнее: *С 1-го сентября 1924 г. поступаю в Базарный Торговый Комитет 2-го Милрайона в качестве секретаря, где проработал до ликвидации означенного комитета* (или иначе – уволен, при этом добавляется: *присовокупляю, что я*

работал там – занимал выборную должность, состоял членом месткома частных предприятий № 29 и одновременно выполнял ответственную общественную нагрузку).

Частое слово в автобиографиях – дюжину насчитал – это уволился, и мотивов – три: по сокращении штатов, ликвидации учреждения, собственному желанию. Но неизменно (так было принято?): *Имеется ряд оправдательных документов, при надобности могу представить или подлинные или официально заверенные копии.*

С 1929 года ноября м-ца, по сей день, – пишет в автобиографии 1939 г., – работаю в органах Раб. Крест. Милиции.

Следует уточнить, что в год моего рождения отец лет семь, это уже на моей памяти, работал в 3-м отделении милиции, недалеко от нашего дома, или (из автобиографии 1932 г.) *в 3-м Милрайоне в должности Зам. Начальника по учёту населения.*

И далее в последней автобиографии: *Живя в гор. Баку, – идёт всё тот же обязательный перечень, точно молитва, – ни в каких революционных организациях, также кружках я не участвовал и являюсь без партийным (так в рукописи). В войсках и учреждениях белых и национальных правительств как добровольно, так же по мобилизации не служил.*

Любопытна композиция автобиографии, в которой – впервые – рассказывается о всех родственниках матери: отец делит их на две части, сначала и сразу, дабы не заподозрили, что скрывает о тех, которые *из'яты как враги народа*, – вынесенные в вожди революцией, ею же в 1937 г. уничтожены (о чём – далее), потом – о вполне *лояльных*, рядовых, но пред тем тут же заявив, что *связь с заграницей как мои также жены родственники не имеют и в загранице не были.*

Но зато требовалось сказать *о собственной семье*, чего в автобиографии нет, что *Родители моей жены* [ни в одной из автобиографий их не называет, даже здесь, в подробной: ни имя матери, ни моё с братом, сказать хотя бы: *жена моя Махфират Мелик-Мамед кызы работает акушеркой в больнице имени Азизбекова, а сыновья...* и перечислить: очень хотелось увидеть имя в отцовском написании, но – увы; не назвал, чтобы уберечь от... сглаза? защитить: нет имени – и охотиться не за кем?], *т. е. отец ее Рахманов Мелик Мамед работал в Азрыба капитаном парохода. Он умер в 1926 году в гор. Баку.* [Тут неточность, подвела отца память: умер не в 1926, а 1929 году, о чём у меня хранится справка, что дед «состоял на службе в качестве командира судов с 1922 по декабрь 1929 г...»; отец помнил, что тесть умер в год рождения сына, но спутал – не старшего, а младшего, то есть меня.] *Теща моя Наргиз Алекпер кызы живет со мною и является домохозяйка. Брат моей жены Рахманов Рахман Мелик Мамед оглы [сводный, от второй жены деда, рождённый в канун привода им домой третьей жены Ширингыз] работает в заводе им. «Паркоммуны» в качестве механика. Сестра моей жены Рахманова Лейла Мелик Мамед кызы [тоже сводная, с чьими дочерьми, моими троюродными сестрами, и был спор про Ширингыз] учится в АКНИ. Сестра моей жены Махбуба Мелик Мамед кызы [старшая, родная] замужем за Меликовым Абдул Мамеда, который работает [в] продмаге продавцом [тут – обширная многорядная родословная, составлена на компьютере их внуком Джейхуном, славный малый, проектирует, сказал ему, будущее независимого Азербайджана; сын двоюродной моей сестры Биби-ханум, которая, единственная, держит все родственные связи, традиция от матери, а у той – матери своей].*

К автобиографиям, когда мне из архива прислали из Баку их фотокопии, был приложен листок, написанный чужой рукой, будто мне в помощь, чтобы не запутался в них, – первые три даты совпадают с автобиографиями:

26 апреля 1922 г. – назначен районным смотрителем Бак-гормилиции 1-го района г. Баку.

28 февраля 1924 г. – помощником начальника 4-го района г. Баку.

С сентября 1924 по 1929 г. был секретарем Комитета торгово-промышленных и кустарно-производственных предприятий г. Баку.

А далее должности – частью уточняющие, частью – как бы новые и расходятся с автобиографиями:

С 1929 по 1930 г. – пом. Нач. 6 горотделения.

С 1930 по 1936 г. – сотрудник ГПУ Аз. ССР.

Впрочем, точно помню, что в году 1934-м или 1935-м отец работал в 3-м отделении милиции, о чём в памяти сохранился эпизод, впоследствии даже записал его, находясь в состоянии ностальгической (советской) эйфории:

Крутится чёрный диск. Мне кажется, что музыканты внутри ящика, из которого вылезают звуки. Я сижу на табуретке, ноги чуть касаются перекладки между двух ножек. Я в комнате третьего отделения рабоче-крестьянской милиции, что в одноэтажном глинобитном доме с зарешёченными окнами. Здесь одни мужчины. Патефон крутит пластинку – лезгинка! А мужчины, рослые, большие, на пяточке против стола танцуют. Хрустят коричневые упругие портупей, оттопырены галифе, как лакированные, блестят начищенные сапоги. Отец любит танцевать, и другие милиционеры не отстают от него, встают на носки, как настоящие танцоры... Очень много лет прошло с тех пор, даже не верится, что это было: милиция, лезгинка, танец мужчин. Они почти все, как и мой отец, – из деревни, пришли добровольно в эту самую «рабоче-крестьянскую», верят в то, что делают, и делают то, во что верят. Лица расплылись в улыбках. Я рад, я захвачен их танцем, танцем больших мужчин.

Далее в том приложении к автобиографиям:

С 1936 по 1937 г. – вновь пом. Начальника отделения УРКМ НКВД Аз. ССР.

С 1937 по 1939 г. – сотрудник ОБХСС УРКМ Аз. ССР.

3 марта 1939 года умер.

Говорили в семье, что накануне отец был командирован в особый отряд на борьбу с «бандитами» в один из горных районов, кажется, в Конахкент, и, непривычный к конной езде, сильно натёр себе пах, случилось заражение крови; отца уложили на операционный стол, но врачи, поняв, что конец предрешён, зашили рану... Бабушка моя видела отца, он был в полном сознании, увозили на каталке из операционной, и сказал ей, теще, бодрым голосом, как потом рассказывала – сочинила, дабы утешить нас с мамой? – Прощайте, я ухожу! Береги моих сыновей!

И вдруг странная – в последней автобиографии – заключительная фраза, выделенная им в особую строку:

В данное время себя чувствую слабым.

Что значит *слабым*? Больным? Неспособным к работе? Разве *такое* пишут в автобиографии? Странно звучат – особенно в свете скорой гибели.

Я часто задумывался над судьбой отца: его лихорадочные, иначе не скажешь, метания по жизни наперегонки с годами от одной работы к другой: уволили, сам ушёл, временно там, здесь. поиск работы, которая б отвечала его *душевным* потребностям? была б *материально* выгодна, вывела б из-под опеки братьев? давала *моральную* свободу?

Образованность, столь редкая в те времена для людей его среды – *кустарей* или *мелких торговцев* (но старший брат Ага-Али мнит себя купцом высшего ранга, его товары на рынках Стамбула, но отец-то понимает: мания величия человека, себя не реализовавшего), среди братьев и родни – единственный грамотный, и – невозможность удовлетворить потребности в дальнейшей учёбе, о чём он, как помню, всегда мечтал: *Сам не стал врачом, а очень хотел, так пусть сын мой станет*, – показывал на меня. И отчего-то охватывал меня страх: вдруг заставит?

А тут – милиция. Государственная служба. Обладён частичкой большой власти, на деле может показать служение отечеству. Честность. *Помочь* другим. Быть справедливым. Мун-

диром защищён от всяческих житейских, бытовых невзгод, который... Однажды был тёплый летний день, нищий пробрался в дом, снял свои лохмотья, преспокойно, не спеша надел отцовскую милицейскую форму и был таков. Сначала не сообразили, что форма украдена: лишь увидев на полу под вешалкой валявшееся тряпье, поняли, что это – лохмотья нищего. Казалось – курьёзный случай, смешная частность, но было во всём этом что-то символическое, словно без мундира он сам – такое тряпье... Пойдя в милицию, отец попал в некоторую кабалу обстоятельств и уже не мог *просто так* взять да уйти.

Хочу трезво судить об отце, не идеализировать. Не помню моментов шикавания в нашей семье ни при жизни отца, ни тем более после него. Жили сверхскромно, от сих до сих. Чтоб кто-то что-то принёс домой в виде подарка, взятки, подношения? Невозможно. Даже когда двоюродные братья матери вознеслись высоко, общесемейные успехи не отразились ни на службе отца, ни в нашей каждодневной жизни. Такое, чтоб толкать своего, очевидно, не было принято. Или яркий индивидуализм отца тут всему сопротивлялся? Привилегии конечно же имелись, как без них? Помню, отец по месту работы получил талон на приобретение сукна, и мы с матерью однажды пошли в *дом на морской набережной* (где только таких домов не было? так и в Баку называли здание НКВД, потом – КГБ) и в складском помещении нам выдали, забрав талон, зеленоватого цвета сукно. Мне и брату из этого сукна сшили потом шинели и, как только они были готовы, повели фотографировать, неудобно в шинели было, шея чесалась, руки и ноги скованы, будто в панцирь заключён. Но зато тепло, никакие свирепые бакинские ветры не остудят тело.

И милиция же морально, а потом и физически сгубила отца: вынудила помалкивать, когда арестовали *родственников жены*, даже солгать, что *никаких связей с ними...* Будучи с детства, как теперь понимаю, впечатлительным, я слишком резко, взрывчато отношусь ко всякого рода несправедливостям, в том числе – увы, можно было бы тут в большей степени – собственным.

Ослики на фоне нефтяных вышек

Судьба вернула меня в новом веке к этим свидетельствам прошлого, в частности, автобиографиям отца: у внучки, студентки Кембриджа *Дины*, единственной дочери моего единственного сына, названного в честь отца, вдруг пробудился интерес именно к кавказским своим *предкам*, что вызвало поистине ликование среди моих родичей и земляков: *нашенское*, так сказать, *взяло верх, пересилило!* – а в предках у неё, кроме азербайджанского, ещё и кровь *русская*, это бабушка по матери, и *еврейская* – дед по матери и бабушка по отцу.

Так вот: внучка решила побывать, как она заявила в Кембридже, в Азербайджане на *родине деда-писателя*, и подвигла меня, тогда полубольного, который не желает никуда двигаться с насиженного места, на серьёзное действие: сопровождать её в этой поездке.

Путь нашего с братом детства, по которому я хотел провести внучку, но не успел: подняться по древним и широким каменным ступеням и войти в ворота Крепости, потом вниз спуститься и свернуть в первый же узкий переулок, потом, пройдя его, войти в небольшой дворик, над которым навис широкий балкон второго этажа... – увы, не нашлось у нас с внучкой ни минуты лишней, чтобы пройти этим путём: прошли потом мы с Еленой.

Мы шли с бабушкой мимо дома *Святого Этаги*, или *Человека-мяса*, он был как бы без костей, сидел полуразвалившись в кресле у крыльца, голова его еле держалась на плечах и постоянно валилась с боку на бок, взгляд рассеянно-блуждающий, руки трясутся, и к нему, веря в его чудодейственную силу, тянется нескончаемый поток людей разных национальностей кто с дарами, кто с деньгами, особенно в годы войны, чтобы спас, сохранил, защитил, избавил от горестей и болезней... – в конце дня мешки красных тридцаток высыпались на стол, шла их делёжка среди многочисленной родни *Святого*. Он умер сразу после войны, и таких похорон, как похороны *Этаги*, Баку не знал, и ныне его могила в пригороде Баку посещается как святилище, о чём мне поведала уже в новом веке-тысячелетии правнучка моей бабушки по линии тёти – Лала, далёкая, казалось бы, от суеверий: когда ей предстоит что-то важное, она посещает могилу, даёт обет, и задуманное непременно сбывается.

И по сей день его именем клянутся: «Клянусь Этага!» После его смерти пришли из МВД, собрали все вещи, погрузили в две машины – она не сдвинулась с места. Еще один явился из МВД: не заводятся машины! «Не поедет она!» Выгрузили и вернули вещи – поехала!

...Передо мной результат нашей с внучкой Диной поездки (*с 24.08. по 5.09. 2002 г.*) – альбом выполненных ею цветных фотографий: она с ашугом, он играет на сазе, на ногах сапоги, одет в галифе и папах на голове; мы втроём – посредине мой постаревший брат, видно, что один его глаз почти не зрячий, я тоже старый-престарый; множество детей – это шемахинцы, внуки и правнуки моего дяди, которых никогда не видел, троюродные и четвероюродные братья и сёстры моей внучки. Среди фотографий – мы с братом у него на даче, брат, играющий на таре, задумчив, даже горестен, ибо минорны звуки мугама. «Нет, Динара, – сказал брат моей внучке, когда пришли к нему на дачу в гости и он, впервые увидев её, назвал не *Дина*, а *Динара*, – прежде чем ты запишешь на диктофон мою игру на таре, я расскажу о нём, и пусть это тоже запишется: тар – это чудо-инструмент! Он сделан из тутового дерева, а вот пузырь, натянутый на корпус, – это знаешь, есть у животного сердце, оно имеет тонкую плёнку, из этой плёнки сделали! А вот гриф, тоже особенный, нижняя тут октава...» – и т. д., про «инкрустацию перламутровую на шейке» тоже. Старинный чан на даче брата, выдолблен из цельного камня, в нём мы, дети, босыми ногами топтали собранный виноград, и тёк в отверстие, тоже выдолбленное в чане, сок, выливался в сосуд, готовили на зиму сгущённый виноградный сок, *тёмно-коричневый, густой и сладкий, – дошаб.*

Дина приглашена на азербайджанскую свадьбу, и сразу, главное, естественно, вовлеклась в танцевальный обряд, будто он для неё – дело привычное. И не устаёшь восхищаться свободой и лёгкостью молодых. Свадебный стол со всевозможными напитками и яствами – куски себрюги и осетрины, соленья и варенья. Чинно восседают жених и невеста.

...Виды современного Баку, пассажный ряд, где выставлены на продажу портреты, в центре красуется портрет *Господина Президента*, как его именуют, – красавец-мужчина, сидящий в массивном кресле; ещё портреты, заснятые внучкой: на ковре вытканый, на полотне, вывешен на широченном панно-плакате, чётко прочитывается большая президентская цитата, состоит из двух частей, первая вполне разумная, каждый под ней подпишется: *Если есть Азербайджан, то и есть я! – а вторая какая-то двусмысленная, то ли хвастовство, то ли ошибка плакатиста: Ия*, – утверждает *Господин Президент* на плакате, – *буду вечно в Азербайджане!* Впрочем, некоторые говорят, что Сам не ведаёт, виноваты подхалимы, оказывающие медвежью услугу, якобы и цитаты за него сочиняют, которые не производил. – подобное, что *царь не ведаёт, что творят бояре*, знакомо с древнейший времён; торговцы арбузами, горой высятся на фоне нефтяных вышек; и ослики – опять-таки на фоне вышек, натыканных везде и всюду на этой выжженной земле. А вот и холмы, широкие степные просторы, горный пейзаж; а последние два фото, завершающие альбом, – это висящая табличка *Закрето* на трёх языках: азербайджанском *Baglilir*, традиционно русском и новомодном английском – *Closed*, а также посадочный талон на обратный полёт, но на сей раз уже на двух языках, без русского, – азербайджанском и английском, припечатанный, точнее, заштампованный восьмиконечной звездой (символика нового государства), внутри которой дата возвращения Дины из путешествия *на родину деда*.

Прежде чем полететь в Азербайджан и проехать с внучкой по районам – а я решил показать ей пути-дороги своего детства, побывать в том числе на родине отца в Шемахе, – она ещё в Москве попросила рассказать ей под диктофон, что сочту нужным, чтобы она чуть-чуть вошла в сферу наших семейных отношений.

Я достал фотокопии автобиографий отца – вот, оказывается, для чего я хранил их! – и, читая вслух, стал комментировать и объяснять. Ушло на это полдня, но оказалось, диктофон неисправен, хрипы в нём, трудно мои слова разобрать, пришлось повторять запись, комкая повествование, ибо пропала охота, и возникла идея вернуться *когда-нибудь* к письменной фиксации рассказанного.

Отцовский род – из Шемахи, где и поныне живут потомки одного из братьев отца – Шарбата; его никогда не видел, а с внуками и правнуками познакомился много позже, когда приехал туда с внучкой. Дело в том, что после смерти отца отношения с родственниками по отцовской линии, особенно с теми, кто не жил в Баку, стали ослабевать, потом война... ни адресов, ни провожатых, но нашлись в Шемахе старожилы, которые что-то слышали о *Шарбате* и *покойном его сыне Магерраме*, моём двоюродном брате, кого я видел лишь раз лет тридцать назад в Баку, – один из старожил и привел нас к нашим родичам, но пред тем умолял нас *зайти к нему на минутку, попить чаю*, и это вызвало удивление у моей западной внучки: как же так – приглашать к себе домой совершенно чужих людей?!

Шли дожди, и ни в высокогорный Лагич подняться нам не удалось, ни в Конахкенте побывать, где воевал мой отец с «бандитами», то были, как пишут сегодня, борцы против советской власти, – дорога туда трудная.

Разрезанные ангелы на потолке

Так куда же привёл Гасан умыкнувшую им или бежавшую с ним юную девицу Махфират, ставшую впоследствии моей матерью?

В канун советизации в жизни отца случился ряд важных событий: смерть старшего брата Теймура, и почти в то же время, а точнее – полгода спустя он обрёл постоянное жильё.

Перед советизацией Азербайджана нашу семью постигло несчастье (отец считал, что несчастье – женского рода, и потому фраза в оригинале звучит так: *постигла несчастья...* – но не буду придираюсь) *тем, что единственный наш труженик, поддерживавший наше существование, брат мой Теймур Алекпер оглы по болезни умер.*

У него остались две дочери – трёхлетняя Таира и годовалая Сара. Был совет братьев: решили по бытовавшему тогда обычаю дать свободу вдове, чтобы распорядилась судьбой по своему усмотрению, а дочерей, которые считались достоянием отца – ни у кого из братьев тогда детей не было, – забрать и растить самим. И таким образом двоюродная наша сестра Таира, впоследствии жившая с нами, стала нам как бы родной сестрой, мы её так и называли: *Тайра-баджи*, или *Сестра Таира*. Сара досталась Ага-Али, и вдова, тихая, молчаливая, робкая, я её хорошо помню, кажется, её звали Ниса-ханум, уехала в Туркмению. Там вторично вышла замуж и, родив сына Юниса, перебралась с новой семьёй в Баку, продолжая, разумеется, поддерживать отношения с дочерьми, удочерёнными своими дядями (Юнис в годы войны пропал без вести, говорили, что погиб, хотя после войны была телеграмма, что «я жив», кто-то, очевидно, решил дать надежду семье).

Итак, 28 *нисана*, как написано арабскими буквами в левом углу большого фоторисунка, изображающего действующие лица нового *народного* правительства (председатель Ревкома – Нариман Нариманов), а в правом выведен по-русски эквивалент нисана – *апрель*, в Баку установилась советская власть, и тотчас после советизации повсеместно начался процесс насильственного захвата или уплотнения домов миллионеров, в том числе Исабека Ашурбекова. Нариман прежде хорошо знал Исабека, даже в молодости безуспешно сватался к родной сестре его жены Сона-ханум, и по-дружески посоветовал ему не ждать, когда домой ворвутся, это неминуемо, и самому заранее позаботиться, впустив к себе людей знакомых, порядочных, с которыми мог бы сосуществовать (потом Нариманову крепко достанется от интернационального содружества *младокоммунистов* за доброе отношение к буржуям).

Дом у Ашурбекова, построенный до советизации почти в центре города, был по тем временам шикарный: двухэтажный, каменный, с высокими потолками, расписанными масляной краской; печи и камин, покрытые белыми, розовыми, ярко-коричневыми изразцовыми плитами. С семьёю большими комнатами-залами на втором и множеством комнат на первом этажах плюс ещё обширные и просторные подвальные помещения с арочными перекрытиями во всю длину квадрата дома, вполне пригодные для жилья. Один из подвалов, близкий к чёрному ходу, массивные железные ворота, сдан в аренду, здесь – складское помещение мануфактуры Саввы Морозова, а подвал в глубине двора приспособлен для хранения изданной с меценатской поддержкой Ашурбекова художественной и общеполитической литературы на родном языке.

В этом доме⁶ принималась даже... царица, у которой в дни пребывания в Баку императора Николая II состоялась короткая встреча здесь со светскими дамами – преподнесли царице перламутровый поднос.

⁶ Угловой дом этот с балконом-фонарём, ныне перестроенный неузнаваемо, является героем многих моих сочинений. О разрезанном ангеле я писал в романе Семейные тайны.

Что ж, надо уплотняться, и выбор Ашурбекова пал на старшего брата отца моего – Ага-Али, кого знал как порядочного купца, семейный, но бездетный, шуму будет мало. К тому же знал, что молодой брат Ага-Али Гасан, мой отец, – из госслужащих, и в случае чего – поможет. Оставив себе большую залу, комнату и кухню на втором этаже, Ашурбеков предоставил в распоряжение Ага-Али две комнаты и кухню, примыкавшие к его жилью, и тот переехал туда с женой, она была красива и белотела, юной сестрой жены, тоже красивой, а также младшим своим братом – моим отцом, надеясь впоследствии выдать золовку за брата, стать, так сказать, ещё и свояками. С ними переехали, о чём Ашурбеков не знал, а когда узнал, дело уже было сделано, две дочери умершего брата Теймура – Таира с моим отцом и Сара, удочерённая Ага-Али.

Отмечу, что и с другими комнатами дальновидный Ашурбеков – я его помню, быстрого, суетливого, с живыми, очень подвижными и, казалось бы, всевидящими глазами... – распорядился, как ему мнилось, умело, с учётом интересов собственной безопасности, хотя эта его, скажем, хитрость, не уберегла от позднейшей репрессии.

Год-два спустя после первого уплотнения возникла новая угроза, и тогда залы с лепными узорами и нарисованными на потолке, для чего были приглашены итальянские мастера, масляной краской ангелами, парящими на голубом небе, были разделены на комнаты, и у одного из ангелов ноги остались на той стороне, за стеной, и впущены новые жильцы.

Одна комната – бывшая огромная зала (где Узеир Гаджибеков, получивший всемирную известность «Аршин мал аланом», репетировал с оркестром первую свою оперу – первую и на всём Ближнем Востоке), была разделена, и часть досталась молодой немецкой семье Якова Киндсфатера, служил в бывшей нефтяной компании Нобелей, предки жили в России с екатерининских времён и обрусели; в семье две дочери, младшая старше меня лет на пять, вся семья – образец чистоты и организованности, и я, дабы зайти к ним, оказаться в мире порядка и уюта, которых у нас, да и родичей наших, сроду не было, придумывал поводы: де, не понял урока – понял превосходно, – прошу Катю подсказать, как задачку решить. Брала карандаш, выводила, чётко разъясняя. Нет, не её слушал, следил, как ясно и чётко выводит округлые буквы и цифры.

В другой комнате с балконом – абшеронец, госслужащий, земляк Ашурбекова, с женой аджаркой Ламия-ханум⁷, активистка женского движения в Баку, возглавляет Женсовет в масштабе Джапаридзевского района (имена 26-ти Бакинских комиссаров – в названиях улиц и скверов).

В конце длинного коридора с парадным выходом на улицу стал жить русский партиец Кутилов с молодой женой *Розалией Исааковной*, вот-вот диплом врача-педиатора получит, лечила нас.

Колбаса, предложенная мне ею... – позвала, протянула хлеб, на нём ломтик розовой, с белыми кружочками, колбасы. *Свинья! Грех есть её!..* И хочется съесть, но и боюсь: вдруг страшное случится, пол под ногами разверзнется, стена рухнет. А не съем, подумает, что трус, боюсь. И точно, *Попробуй*, – говорит, – *покажи, какой смелый!* Взял, ем, вкусно, и. ничего вокруг не случается!.. Как легко, однако, совершается *грех*...

Однажды – запомнил – Кутилов катал меня и сына, мы ровесники с Глебом, по городу на служебной машине, красной, сладко пахучей, а зимой. – в Баку в 37-м выпало невероятно много снега, ворота доверху засыпало, такого старожилы не помнили, и Глеб, щёки у него красные, горят, а он как одержимый прыгает и прыгает в сугробы. – воспаление лёгких и – смерть. Тихие похороны. Я смотрю на Глеба, лежащего в гробу. Мать бледная, не плачет, сжаты губы, а отец. Его не вижу, он, говорят, сошёл сума. Но вот же он – привезли

⁷ Под именем Хуснийе-ханум – одна из центральных фигур моего романа Магомед, Мамед, Мамиш.

его однажды домой на машине, у ворот увидел меня, глаза вдруг засверкали, заблестели, заиграли. – не выдержал его взгляда, страшно стало, юркнул во двор, спрятался в подвале. А утром слышу, соседи шушукаются: *Кутилова, как врага народа, арестовали!*

Напротив, на той стороне коридора, он буквой «П», параллельно нашей квартире, живут *Исаевы*, имя – *Исабек*, тёзка Ашурбекова (замечу тут же, что старший сын Ашурбекова Сулейман в советские годы выкинул из фамилии *бек*, стал *Ашурли*), жена *Сурея* – совсем девочка, моложе лет на тридцать, одна из многих дочерей последнего нахичеванского хана (о том в своё время будет произноситься с почтением: ханская дочь). Внизу, это скорее бельэтаж, разместились армянская и еврейская семьи – *Ходжаевы* и *Розины*; семья русского плотника *дяди Васи*, татарин-дворник... – его при паспортизации выслали, как персидско-подданного, в Персию.

Вскоре к братьям присоединился, поселившись в подвале – пока раздумывал, лучшие комнаты на этажах разобрали, – холостой тогда *Эйбат*, с кем отец в юности шил подкладки к восточным шапкам. – вот такой *интернационал*, чисто бакинский.

Суперэтнос «бакинец»

Почти каждый второй такого рода дом в Баку – в конце позапрошлого и начале прошлого века больших, просторных домов было построено предостаточно в столице нефтяной империи – оказался после уплотнения *многонациональным*, отразив существенную особенность города, на долгие десятилетия предопределил, пока не наступили в конце XX века другие времена, судьбу не только города, но и горожан, которые назывались *бакинцами*, и это, как потом говорили, не столько показатель принадлежности к определённому городу, вроде москвич или *одессит*, сколько обозначением особой *нации*. Да, бакинец – поистине суперэтнос, *интернациональное* сообщество, *русскоязычная*, главным образом, интеллигенция, плохо знающая языки собственных этносов. Рассыпалось по всему миру *бакинство*, такое ласкающее слух слово, конгломерат, состоящий. – здесь, прежде всего, следует назвать евреев (30 %), они в почёте, в Баку нет и намёка на антисемитизм, женитьба на еврейке даже почитается «везением», *чего и вам желаю*, пример подают высшие слои: первый коммунист Мир-Джафар Багиров, большевик-младокоммунист Рухулла Ахундов, видный учёный-лингвист.

Бакинец – это и армяне (20 %): они, как и евреи, сыграли в бакинстве огромную роль в развитии экономики и культуры, науки и образования Азербайджана. Не могу тут же не сказать, ибо это моё глубокое убеждение, что последующие события – Сумгаит, изгнание армян из Баку – дело рук не коренных бакинцев, а т. н. еразов – *ереванских азербайджанцев*, которые (началось в 1965-м, в год 50-летия резни армян в Турции) были изгнаны как «турки» (азербайджанцы на армянском – турки) и, хлынув в Азербайджан, учинили в отместку погромы. Разумеется, к *бакинцам* относят, естественно, и коренных уроженцев Баку, русскоязычных азербайджанцев (20 %). Надо назвать – и количественно, и качественно как бы на четвёртом месте – русских (15 %), мастеровые, производственники, партийцы, к тому же бакинские русские отличаются от русских вообще, как и *бакинские* армяне – от армян *вообще*, и это различие можно выразить одним словом: и те и другие – *свойские*: ни гонора, ни чувства превосходства, ни намёка на какую бы то ни было агрессивность, сама отзывчивость, уступчивость, покладистость, доброта и внимание. *Бакинец* включает и *разных прочих шведов* (15 %), метафора и правда, шведы *истинные*... – кто только не жил в Баку, легче отметить в мировом списке этносов тех, кто здесь не жил, нежели тех, кто обитал.

Армянское население, как известно, изгнали из Азербайджана (как и азербайджанцев – из Армении); эмигрировали евреи, напуганные всякого рода стычками, наплывом воинствующих беженцев из оккупированных земель, в том числе – Карабаха; азербайджанцы из состава бакинцев частично вымерли, часть сбежала, вроде Д.Г. – в Германию или А.Д. – в Москву; ушли в тень напуганные взявшими власть *чернобородыми* из Народного фронта, да ещё + нищета + вседозволенность + хаос + наглые нелюди-хищники + мафиози (рассуждать, глядя *издалека*, легко, к тому же на *хирургию* – пусть и словесную – уже ни сил, ни желания, да и слово девальвировалось: вопи, призывай. – кто услышит?).

Парадокс: Баку лепил из меня русского по образованию, культуре. Чуть-чуть, и я уже буду вполне русским (вспоминаю письмо-жалобу к русскому царю – приведено в «Докторе Н» – отпрыска карабахского хана: считал себя, очевидно, чтобы понравиться царю, *русским*), русификации моей способствовали объективные и субъективные обстоятельства, мне нравились умело сотворённые пропагандистские потоки из Москвы. Но она, чьи стены Кремля, поётся в нравившейся мне тогда, а главное, теперь тоже, песне, *утро красит нежным цветом*, возвращала меня – тоже парадокс – в *азербайджанскость*: выталкивала. Финальный дипломный этап учёбы в МГУ; обзоры и переводы, в т. ч. судебных материалов; СП СССР – абсолютная ориентация на национальное, главным образом – азербайджанское; Москва

развивала при этом во мне, углубляла благотворнейшее и спасительное для моей писательской судьбы *русское* начало, – я стал тем, кем стал: живу в Москве с думою о Баку, пишу ныне по-русски, но все мои проблемы – азербайджанские, и странный орнамент плетётся из того, что называют стилем, мышлением, сочинительством.

«О, если б не было разлук!»

...Отец привёл жену в дом Ашурбекова – кому в радость и ликование, к примеру, Ламии-ханум, ратующую за женскую свободу, а кому – в огорчение, а то и к неудовольствию, в частности, своего старшего брата Ага-Али: Гасан нарушил его планы.

Мне кажется, отец поспешно женился, дабы поставить брата пред свершившимся фактом: слишком уж тот усердно и настойчиво навязывал ему свою золовку, которая отцу не нравилась, – чопорная, форсистая, самовлюблённая, с неестественными ужимками. Умыкнул, ибо не захотел заранее оповещать старшего брата о своём намерении жениться по своему выбору, а тем более просить пойти сватом в дом невесты.

История с отцом в какой-то мере повторилась, кстати, со мной: у жены моего брата Сурии-ханум были две сестры на выданье, и мне, студенту МГУ, приезжавшему на каникулы в Баку, сначала предназначалась одна, моя ровесница Шафига, но та поняла, что ей придётся долго ждать меня и, хорошо зная поговорку про журавля и синицу, вышла за другого, замечательного парня (оба ныне, увы, покойные), а потом другая, младшая, моложе меня лет на семь, очень симпатичная Рафига... – оказывается, её, ладную и красивую, уже давно присмотрела для своего сына Мурада Ламия-ханум, но, зная, что в качестве жениха родственники видят меня, специально завела со мной однажды серьёзный разговор. Беседа была обставлена чинно, с угощениями, чаепитием, велась, точнее было бы сказать, вилась или вязалась умело. «Ведь я знаю, ты на ней не женишься, не правда ли? – говорила Ламия-ханум. – Разве она тебе пара? Там, в Москве, такие умные девушки с тобой учатся! К тому же я хочу напомнить тебе слова твоей покойной мамы, ах, как мне недостаёт её! – и всплакнула. – Помнишь, она как-то при тебе сказала: «Мой сын, я чувствую, женится не на азербайджанке». Я это действительно помнил. Короче, Ламия-ханум попросила меня «уступить свою невесту» ей, для её «непутёвого сына: ему, не очень образованному, именно такая жена и нужна, тоже без образования», – сказала с прямоотой, на которую всегда была способна. Я с радостью откликнулся на её просьбу не только потому, что в моих намерениях и впрямь не было жениться на ней, а потому, что уже собирался жениться в Москве на другой, о чём тогда же поведал Ламии-ханум и даже, на минутку зайдя к себе, это несколько шагов по коридору, принёс и показал ей фотографию невесты. Ламия-ханум рассыпалась в обещаниях устроить нам с нею, имя *Марина* уже склоняется в её устах, *шикарную встречу* в Баку (так и случилось: она была в числе встречавших нас с Мариной на бакинском вокзале).

Отношения между жёнами братьев – старшего Ага-Али и младшего Гасана – были напряжённые, но братья есть братья, не должны ссориться из-за женщин, если даже они – *любимые*, и тогда Ага-Али, кому к тому времени была в тягость, изрядно надоела эта открытость всему и всем в кишасщем многолюдьем доме, решил его покинуть с женой и золовкой, переселился по тому адресу, который указан в последней автобиографии отца, в отдельную, закрытую от глаз посторонних квартиру в Нагорной части города, и там вскоре у него родилась дочь *Алия*.

Но прежде чем это случилось, братья договорились поделить сироток – дочерей старшего брата Теймура: Ага-Али взял на себя заботу о Саре, ей ещё нет двух лет, а отцу оставил Таиру, а ей почти пять, поможет на первых порах жене, к тому же разница между ними всего-то десять лет, и спустя некоторое время Таира и Махфират станут близкими подругами.

...Вскоре Махфират родила сына, и его назвали в честь отца мужа (и собственного деда!) Али-Акпером. И почти в те же дни бабушка моя Наргиз-ханум поселилась здесь у дочери и зятя (у азербайджанцев более точные, конкретные и детализированные определе-

ния степени родства: *зять*, или *езне*, – только муж сестры, а муж дочери – *кюрекен*⁸), чтобы помочь дочери, на руках у которой ещё и малолетняя племянница мужа.

Первенец, или самый старший наш брат, жил недолго, его сглазили, как сокрушалась бабушка, вина в приключившейся беде себя самую: не надо было ей спешить показывать крепыша-внука, которому и месяца не было, родичам в Крепости, – повела его, а там, увидав мальчика, все разохались, кто – в радости, кто – в зависти: *Ах, какой малыш родился у нашей Махфират!.. Надо же, столько страдают от бездетности, а она не успела выйти замуж – тут же родила* (услышь: согрешила с мужем до замужества), *да ещё мальчика!*

И не успела бабушка вернуться с внуком домой, как тот вдруг – ни с того ни с сего – захныкал, застонал, поднялась у него температура, всю ночь от него не отходили, и наутро его не стало!..

О старшем нашем брате в семье – ни слова, больно. Незаживающая рана. Однажды лишь, помню, мать произнесла его имя, и тут же губы у неё дрогнули, глаза наполнились слезами. Наступила жуткая тишина.

Вообще-то бабушка, видимо, это перешло ей от собственной её матери, многие потери, особенно неожиданные и скоропалительные, и смерть моего отца тоже, объясняла сглазом. И редко впоследствии выпускала нас с братом из дому, прежде не взяв пальцами щепотку пыли или праха с порога нашей квартиры и трижды не покрутив руку над нашими головами, спасая как бы от дурного глаза.

А что до потерь иных, вещественных, даже очень дорогих (первая жена моя как-то потеряла платиновое колечко с бриллиантом), то здесь она наказывала не переживать, а радоваться, ибо потерей откупился от Сатаны, который готовил страшное бедствие.

И ещё одно из воспитательных правил, которое я усвоил на всю жизнь: есть в гостях надо с удовольствием, это радует хозяина, ни от чего не отказываться и чтоб на тарелке не оставлять ни крошки, иначе остатки тебя будут преследовать по пятам, к тому же у кого чистая, *вылизанная до блеска* тарелка – тому повезёт с хорошей тещей и красавицей-женой. И гостям, которые *сегодня* приходят к нам или приезжают издалёка, из Кракова, к примеру, это Данута и Сташек, говорю, заметив непустую тарелку: *Вы что же, не уважаете мою бабушку?* Смеются, знают, что это значит: *ничего на тарелке из еды не оставлять!*

И ещё: книгу, наставляла бабушка, никогда нельзя оставлять открытой, – шайтан прочтёт, весь смысл усвоит и не оставит тебе из знаний ничего, а то и исказит смысл!..

Через год после смерти первенца родился Али-Икрам, сокращенно Аликрам, отметивший, слава богу, восьмидесятилетие; мы с ним – каждый в отдельности – уже живём на свете столько, сколько жили отец и мать, если сложить вместе их возраста. А через три года родился я – в комнате, где камин, обложенный белыми изразцовыми плитами, окаймленный позолотой. На камине вылеплены фигурки – семья, собравшаяся вокруг... камина, повторяющего реальный... – все мы рождались не в больнице, а дома, так было в те годы принято, чтобы не в больнице.

К моему рождению семья занимала квартиру, где по сей день живёт Аликрам, состоящую из двух комнат и кухни по улице *Старая Почтовая*, д. 59 – угол *Персидская*. Первая стала потом имени *Николая Островского*, а после краха советской власти тотальная переименовка пошла, называли в честь актёра *Сулеймана Тагизаде*, сын его, московский киноматёр постарался, первый перестроечный миллионер в СССР; вторая, *Полухина*, один из 26-ти (цифра эта условная, бакинские комиссары исчисляются единицами, и многие оказались

⁸ Такого рода детализации хоть и часты (азербайджанцы различают дядю по отцу, это *ами*, и дядю по матери – *даи*, а также тётю по матери, *хала*, и тётю по отцу – *биби*), но наблюдаются не всегда: русские, к примеру, в отличие от азербайджанцев, чётко различают родителей жены и мужа: *тесть* – *тёща*, а также *свёкор* – *свекровь*, в то время как у азербайджанцев и то и другое обозначается одним словом: *гайнана* (это и тёща и свекровь) и *гайната* (тесть и свёкор), слово это переводится как «мать или отец брата мужа или жены».

в тюремном списке на получение пайков случайно, расстреляны по недоразумению. Так, Полухин буквально за несколько недель до трагедии послан был с горсткой матросов-балтийцев Лениным удержать Баку, единственный тогда источник нефти для России, – арестован, потом расстрелян (об этом подробно – в романе «Доктор N»), ныне – имени бакинского миллионера *Муртуза Мухтарова*, носит по праву: в самом её начале высится построенное им удивительно красивое каменное здание, сплошь с ажурной резьбой, тонко выточены мраморные колонны, стиль рубежа веков сецессион.

Счёт жизни новорожденного ведётся днями, потом неделями... – и в один из начальных дней состоится обряд имянаречения, начисто забытый сегодня: собрались аксакалы, во главе стола свояк отца Али-Мамед, *Бирдже-даи*, дядя *Единственный*, научен мусульманской грамоте, должен с молитвой на ухо шепнуть, тем самым закрепив на всю жизнь, моё имя; младенца передают из рук в руки, каждый повторяет на ухо имя. Вообще-то в мусульманской семье – обычай, тоже забытый: рождающийся мальчик автоматически получает имя *Мухаммед*, если девочка, – *Фатима*, может иметь при этом – и такое есть право у родителей – второе имя.

Старший брат, умерший, как уже было сказано, в младенчестве, назван был отцом в честь своего отца *Алекпером*, полное имя – *Али-Акпер*. К слову сказать, многие азербайджанские имена связаны с исламом, шиитским течением (азербайджанцы в основном шииты). *Али-Акпер* означает *Али Великий*, имеется в виду двоюродный брат и зять пророка Мухаммеда, женатый на его дочери Фатиме. Али особо почитаем шиитами, которые ставят его вровень с Мухаммедом, а зачастую даже выше. Чаше имя Али даётся в сочетании с другими священными именами или ипостасями Всевышнего Аллаха. Здесь же замечу, что право назвать сына именем отца принадлежит первенцу в семье, но так как ни у кого из старших братьев отца сыновей тогда не было, это право, как принято в азербайджанской семье, перешло к нему.

Отец, не ломая установленную им же самим традицию, чтоб в имени непременно был *Али*, решил дать мне имя *Али-Ислам*, продолжая линию *Али-Акпер* и *Али-Икрам*. И тотчас во всём доме это стало предметом разговоров, де, жить младенцу в новую эпоху, а носить имя дедовских времён, и соседи, интернациональное содружество, чуть ли не заставили отца, настояли – якобы всё это было делом рук аджарки Ламии-ханум или неведомой мне татарки, чтобы отец поменял мне имя.

Снова был приглашён свояк отца, и на другое, кажется, левое, ухо мне прошептали *Чингиз*. Поменяли, как говорится, шило на мыло: в *российских* условиях имя завоевателя земель русских, с кого пошло так называемое *татаро-монгольское иго*, вряд ли могло вызвать иного, нежели отторжение, отношения. И я неловко себя чувствовал, когда в школе на уроках по истории произносилось *Чингисхан* с отрицательным, разумеется, оттенком. И долго всматривался в портрет дикого завоевателя в учебнике, тщетно пытаясь постичь в положительном свете своего тёзку, но на меня смотрели узкие и хищные глаза, я видел свисающие усы, скрюченные руки, колчан, забитый островерхими стрелами... Некоторые из родичей-ровесников к тому же зачастую переименовывали *Чингиза* на *Джингиза*, а *джинн* известно что за существо.

А пока мой возраст исчисляется месяцами: первый, третий, седьмой... Стоп! Кажется, семь месяцев!.. Но никто не поверит, что можно запомнить себя, семимесячного, даже сам не верю! Но расскажу, потому что отчётливо помню: *младенец спал в подвесной люльке, а мать с отцом прилегли тут же в тени старого инжирового дерева, подремать на паласе.*

Когда мать очнулась, она увидела меня на земле. Я ел песок. Ем, ем, а он, этот песок, пресный, хрустит, хотя и зубов нет, потому что до зубов надо пройти целый исторический этап ползания.

Уже год исполнился, надо отметить: брат родился 10 апреля, а я, как сказано, 20-го. Отмечать дважды — 10-го, а следом 20-го — накладно и нескромно, без того многие в родне завидуют (о зависти как наивысшем грехе часто говорит набожная моя бабушка, и это укоренилось во мне: *никому и никогда не завидовать*): *Счастливица! Подряд троих мальчиков родила* (что один умер — это в расчёт не принимается)! — А в уме или за глаза: *Другие даже одного мальчика никак не родят, а эта...* — и т. д.

Самое страшное, чего опасается бабушка, — это *сглаз!*..

Можно логически предположить, что родителям пришлось выбрать один из двух дней и отмечать вместе дни нашего с братом рождения: 10-го, очевидно, нельзя, ибо младший в этот день ещё не появился на свет, так что лучше всего — 20-е.

Многие годы — я из Москвы, а брат из Баку — мы поздравляли друг друга: я его — 10-го, а он меня — 20-го апреля. Но 20-е настолько укоренилось в сознании старшего брата, что настал день, и он решил, что не я, а именно он родился 20-го, и впоследствии, многие-многие годы спустя, меняя паспорт, в графе дня рождения проставил это число.

Нам, очевидно, дарили подарки, какие — не помню! Дни рождения наши кончились со смертью отца, а потом война... Их уже не отмечали: не до этого, да и расходы!

Частая тема разговоров в семье — мучения бабушки, взявшей на себя заботу о внуке, капризном и непоседливом: мама учится, надо хотя бы закончить семилетку, чтоб пойти в техникум, она уже знает, кем будет, — акушеркой! Отдаю должное отцу: на всё, что связано с учёбой, смотрит свято — самому не пришлось после русско-татарской школы продолжить, мечтал быть врачом: если жена хочет учиться, препятствовать не будет.

У меня в архиве хранится справка, на неё приклеена фотография матери, скреплена гербовой печатью, *Акушерской школы Наркомздрава А.С.С.Р.* (это на двух языках, на азербайджанском — латиницей, и здесь *джумхурийет* вместо слова *республика*, а также *шур'а* вместо слова *советская*: замены эти были произведены впоследствии в целях унификации и... русификации). Удостоверяется, что *Гусейнова Махверя* (редко кто правильно писал необычное имя моей матери) *действительно обучалась в Медполиттехникуме и в 1936 г. окончила, получив звание акушерки, с законченным средним медицинским образованием.*

Ничего не сохранилось из написанного рукой матери; кто знает, может, где-то и её автобиография хранится, да как её найти? в архиве больницы имени Азизбекова, сданной, очевидно, в госархив? но когда ещё такая возможность будет, поехав в Баку, разворошить архивы полувековой давности: со смерти матери прошло уже более 56 лет. — сегодня уже 60!

Единственное, где её почерк, — в книге, издана буквами латинскими, куплена была матерью в канун моего рождения, на обложке — *Bayatilar*, народные четверостишия на темы, главным образом, любви, в них сосредоточена вся философия жизни и смерти моего народа. Несколько чистых страниц книги были исписаны рукой матери, буквы угловатые, непривычно кривые, — она была левшой, это передалось и мне. О чём были те записи матери, память не удержала. Но помню лишь, что это были такие же, как в книге, четверостишия, *баяты*, — то ли из ею услышанных, которые не вошли в сборник, то ли были сочинены ею самой. Вообще-то, замечу, она любила рифмовать строки, к тому же в Азербайджане, если из троих мужчин двое — стихотворцы, и они это любят декларировать, то из двух женщин одна — непременно поэтесса, но часто, в отличие от мужчин, любящих выставляться, скромно помалкивают.

Я помню эту тоненькую в толстой серой обложке книгу, не раз держал в руках, но куда она делась и сохранилась ли, не знаю. В том шрифте, в каком была издана книга, читать баяты мне не пришлось, но зато изучал неоднократно баяты в изданиях кириллицей и даже пытался перевести их: «К чему цветенье алой розы, если суждено ей увяданье?....» Это из той же баяты, где: «О, если б не было разлук».

...С матерью связано моё первое всё. Сколько ни сказать – будет мало, тут у меня момент, не скрою, её обожествления, и не только потому, что родила, воспитала и т. д.: во-первых, бесконечная жалость, вызванная ранней её смертью в сорок лет; во-вторых, её долготерпение, переносила стойко – без нытья или раздражения – выпавшие на её долю тяготы; не помню, чтобы на кого-то кричала, с кем-то ругалась и вообще повышала голос, а ведь осталась в свои тридцать три года без мужа, надо содержать мать, здоровых мальчиков, которым тринадцать и десять, годы пошли вскоре военные, голодные; в-третьих, сразу после войны настолько сдала физически, что приходилось чуть ли не постоянно сопровождать её, находиться рядом, и я видел, как она мучается, еле передвигаясь по земле, но ни разу не заметил на её лице ни тени горести, жалобы, а всегда – еле различимая, но улыбка, радость; в-четвёртых, рассказы впереди. Здесь же замечу, что почти ни одно из моих сочинений не обходилось без того, чтобы частичку её судьбы не передать кому-либо из женских персонажей, естественно – положительных. Есть у меня даже повествование из цикла микрорассказов, которое считаю началом творчества, хотя до того вышло немало моих книг, – Острова, посвященные памяти матери.

Однажды мой друг, покойный Александр Кикнадзе, он читал, как выяснилось, все мои книги, спросил: *Можешь объяснить, почему у тебя в твоих сочинениях очень много говорится о маме, но почти ничего об отце?* В вопросе было недоумение, вызванное тем, очевидно, что в его собственных произведениях – по существу автобиографических – как раз много говорится именно об отце, который был репрессирован, нежели о матери. Это – что у меня больше о матери, чем об отце, – никогда в голову мне прежде не приходило, но я вдруг понял, что Саша прав, и тотчас с ним согласился, а о причине... *но разве она была?* умолчал, точнее, задумался, застигнутый словно врасплох и не зная, что ответить: такой цели я перед собой, разумеется, не ставил, тут диктат подсознания, в глубинах которого притаилась некоторая, смешно сказать сегодня, обида на отца, или первое обидное чувство, во мне возникшее в отрочестве, о чём ещё будет... а почему не немедленно, не сейчас, коль скоро зашла речь о *сыновней боли*, о которой отец так и не узнал, хотя содеянное отцом так банально, так распространено, так знакомо и мне, и тут к месту сказать о яблоке, которое от яблони далеко не падает, сбитое ветром или подгнившее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.